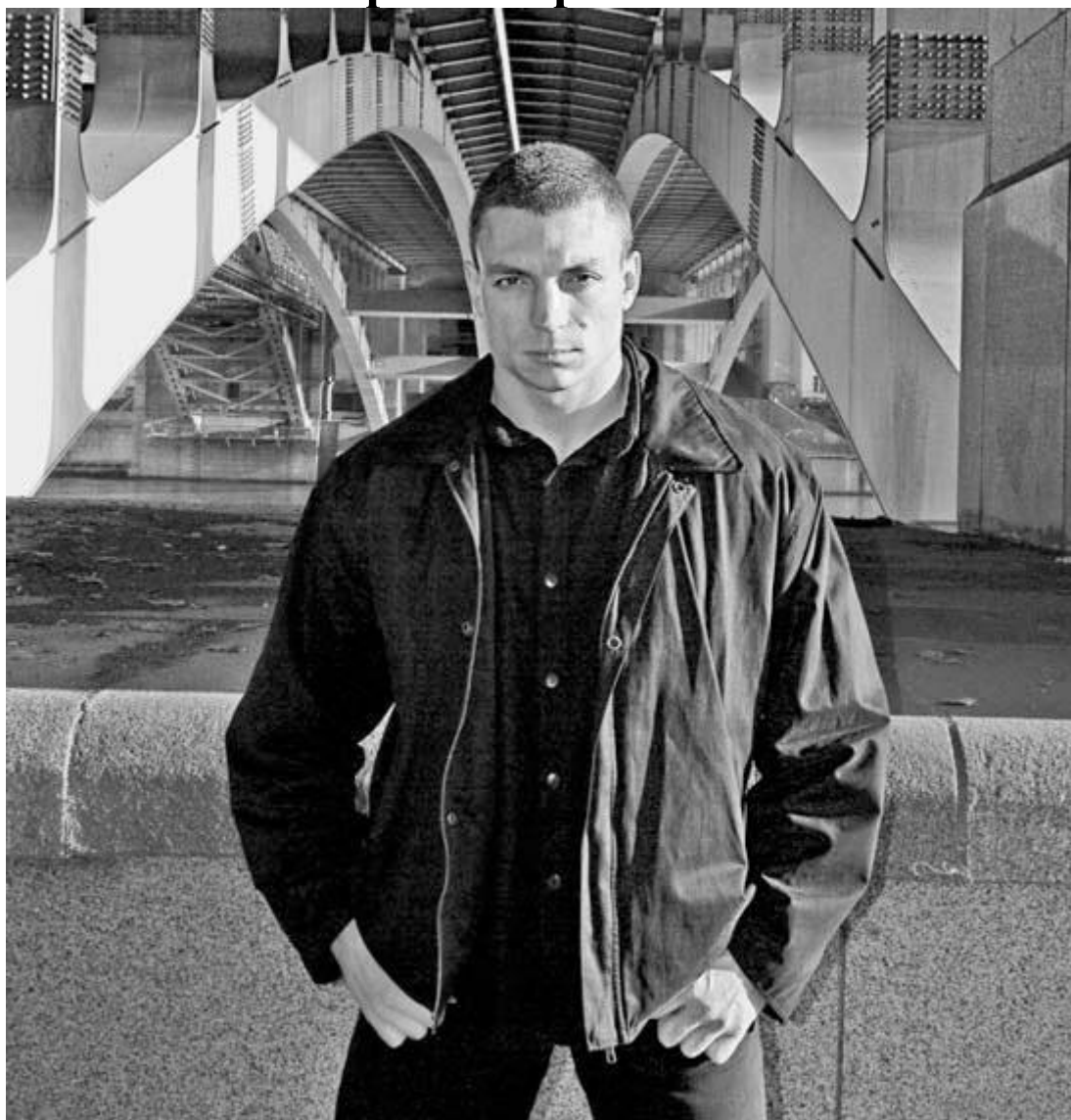

Сергей Тармашев

Ареал. Заражение

Первоначально я не планировал делать серию «Ареал», так как тематика всевозможных смертельных, чернобыльских и прочих аномальных зон, как говорится, «не моя». Однако множество читателей присылали и продолжают присылать письма с просьбой «написать что-нибудь в серию «Сталкер». Поначалу я отнекивался от подобных предложений, но когда суммарное количество посланий, объединённых общей мыслью «Даёшь „Сталкер!“», превысило отметку в три с половиной тысячи, я понял, что игнорировать столь настойчивую просьбу читателей нельзя. Так как мир «Сталкера» и без меня неплохо себя чувствует и уверенно развивается, я посчитал более интересным не присоединиться к уже существующей серии, но создать свою вариацию на популярную тему. За основу своего нового мира я взял гениальное творение бессмертных Стругацких «Пикник на обочине», являющееся родоначальником самой идеи аномальных зон и исследующих их сталкеров. Надеюсь, что мой «Ареал» не разочарует поклонников жанра, но окончательные выводы сделает конечно же читатель.

Сергей Тармашев

- Да. И всё было бы очень хорошо, если бы мы знали, что такое разум.
- А разве мы не знаем? – удивился Нунан.
- Представьте себе, нет. Обычно исходят из очень плоского определения: разум есть такое свойство человека, которое отличает его деятельность от деятельности животных. Этакая, знаете ли, попытка отграничить хозяина от пса, который якобы всё понимает, только сказать не может. Впрочем, из этого плоского определения вытекают более остроумные... Например: разум есть способность живого существа совершать нецелесообразные или неестественные поступки.
- Да, это про нас... – горестно согласился Нунан.
- К сожалению... ещё одно определение, очень возвышенное и благородное. Разум есть способность использовать силы окружающего мира без разрушения этого мира.
- Нунан сморщился и замотал головой.
- Нет, – сказал он. – Это не про нас. Ну а как насчёт того, что человек, в отличие от животных, существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях? Я где-то об этом читал.
- Я тоже, – сказал Валентин. – Но вся беда в том, что человек, во всяком случае, массовый человек, с лёгкостью преодолевает эту свою потребность в знаниях. По-моему, такой потребности и вовсе нет. Есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о Боге, например, даёт ни с чем не сравнимую возможность абсолютно всё понять, абсолютно ничего не узнавая. Дайте человеку крайне упрощённую систему мира и толкуйте всякое событие на базе этой упрощённой модели. Такой подход не требует никаких знаний...
- Погодите, – сказал Нунан... – Не отвлекайтесь. Давайте всё-таки так. Человек встретился с инопланетным существом. Как они узнают друг о друге, что они оба разумны?
- Представления не имею, – сказал Валентин, веселясь. – Всё, что я читал по этому поводу, сводится к порочному кругу. Если они способны к контакту, значит, они разумны. И наоборот: если они разумны, они способны к контакту. И вообще: если инопланетное существо имеет честь обладать психологией человека, то оно разумно...
- Вот тебе и на, – сказал Нунан. – А я-то думал, что у вас всё уже разложено по полочкам...
- Разложить по полочкам и обезьяна может, – заметил Валентин.

Аркадий и Борис Стругацкие, «Пикник на обочине»

Пролог

**Командный Пункт Системы Предупреждения о Ракетном Нападении, г. Солнечногорск, СССР,
27 марта 1991 года, 4 часа 52 минуты.**

Полусонный человек в безукоризненно отутюженном кителе с полковничьими погонами и красной повязкой оперативного дежурного на рукаве устало потёр глаза и, беззвучно кряхтя, поднял своё грузное тело из рабочего кресла. Он слегка потряс головой, отгоняя сонливость, потом, тяжело ступая, вышел из-за стола, заставленного аппаратурой засекреченной связи. Его взгляд скользнул по стеклянным картографическим планшетам и электронным табло, окружающим боевые посты несущих службу операторов СПРН. Затем он мельком прошёлся по дисплеям компьютеров, отображающих в реальном времени данные со спутников, призванных зорко следить за ракетоопасными участками территории вероятного противника. И наконец, остановился на своём отражении в ближайшем карт-планшете, заменявшем собою одну из стен его боевого поста.

Полковник расправил плечи и, насколько смог, втянул объёмистый животик. «М-да, хорош, ничего не скажешь... – Он саркастически ухмыльнулся. – Раздобрел на сидячей работе, даром что нервная. А врачи говорят, на почве постоянного напряжения и частых стрессов организм склонен к сильной потере веса. Видать, мой живот об этом ничего не знает...» Он вспомнил лейтенантскую юность, когда молодой жилистый ракетчик, рослый красавец офицер был способен без усталости сутками гонять личный состав, натаскивая вчерашних призывников на занятиях по развёртыванию в боевое положение зенитных ракетных систем и последующем их свёртывании в походное положение для выхода из района стрельб до ответной атаки вражеской авиации. Да, были времена... Его подразделению тогда принадлежал рекорд скорости по развёртыванию С-200, а ведь эта система в те годы была, ни много ни мало, противоракетным щитом страны. Полковник едва заметно улыбнулся, вспоминая свою первую награду, полученную за это достижение. Командование отметило его личной фотографией у Боевого Знамени части. Генерал собственноручно сделал на ней надпись «Лучшему ракетчику полка». Вроде бы мелочь, всего лишь фото, даже не медаль. Но до сих пор эта награда оставалась для полковника самой дорогой. Всё-таки первая.

Он вспомнил стройную фигуру старшего лейтенанта, замершего у Боевого Красного Знамени, и вновь бросил на своё отражение укоризненный взгляд. Надо бы заняться собой. Хотя бы гимнастику по утрам делать, что ли... Полковник едва заметно вздохнул и подошёл к стоящему в углу боевого поста сейфу. Он набрал личный код, открыл дверцу и достал из бронированного хранилища свой рабочий портфель, недра которого скрывали тут же извлечённый на белый свет небольшой термос. Кофе, самый обычный – пайковой, растворимый, сейчас будет как нельзя кстати. Уж больно тяжёлое время суток, самые сонные часы. Полковник наполнил кружку и, несколько вразрез с уставами и инструкциями, так и остался стоять посреди боевого поста оперативного дежурного, обводя взглядом Командный Пункт, не забывая время от времени делать глоток едва тёплого напитка. Операторы, которые тоже поклёвывали носами или растирали руками красные воспалённые глаза, при виде Оперативного немедленно оживились и заёрзали в креслах, ёжась под суровым взглядом начальника, не сулящим им ничего хорошего. Он мысленно улыбнулся. «Так-то вот. Я вас взбодрю получше любого кофе, шалопаи. Спать надо было дома, перед дежурством, а не с девками баловаться. А тут надо службу тащить. И тащить её надо исправно! Нити колоссальной системы сходятся в этом КП. На пультах операторов боевых постов ежесекундно поступают потоки данных с множества мощнейших РЛС, разбросанных по территории СССР, идёт информация со спутников Центра Контроля Космического Пространства, а ведь он неотрывно ведёт почти шесть тысяч различных космических объектов, находящихся на орбите планеты, не говоря уже о том, что орбитальная группировка не

сводит глаз с ракетоопасных направлений вероятного противника. От нас зависит безопасность огромной страны!»

Полковник невесело поморщился. Огромная страна всё глубже погружалась в не менее огромный хаос. Советский Союз разваливался на глазах, и он решительно не понимал, что творят эти болваны от политики. Шутка ли сказать, они собираются угробить такую махину! Зачем?! Убить колоссальное государство, громадный слаженный механизм, перед мощью которого дрожит весь Запад, разбить его вдребезги на множество беспомощных кусочков-винтиков, которые мгновенно окажутся лёгкой добычей для проходимцев всех мастей – от распоясавшихся уголовников, освобождённых новомодными амнистиями, до ушлых политиканов, купленных с потрохами заокеанским вероятным противником. И кому это выгодно? Оперативный зло насупил. Как раз тем, чьи территории денно и ночью прощупывают спутники его КП. Ох, не далеки от истины злые шутники, многозначительно вопрошающие в своих анекдотах, мол, а почему это на плечи Генерального родимое пятно в виде Америки? Полковник покачал головой, мысленно обращаясь к герою анекдотов. Что же ты делаешь, крестьянин ты эдакий, мать твою?! Ломать не строить, тут большого ума не надо...

Он ещё раз окинул грозным взглядом КП и, сжимая в руке опустевшую кружку, направился к термосу. «Ещё немного кофе не помешает. Одна надежда на прошедший всесоюзный референдум, – размышлял он, отвинчивая колбу термоса, – может быть, хоть по его итогам эти идиоты одумаются? Всё-таки подавляющее большинство населения всех республик проголосовало за сохранение СССР. Правда, не во всех союзных республиках референдум провели». Но это и не удивительно, сейчас в стране такой бардак, что порой казалось, что единственное место, где ещё сохранился незыблемый порядок, был его КП. Полковник аккуратно поднёс кружку к горлышку термоса, и коричневая жидкость с запахом кофе начала наполнять кружку.

Резкий вой сирены боевой тревоги распорол тишину так внезапно, что Оперативный дёрнулся от неожиданности, расплёскивая кофе на пол. Термос и чашка полетели куда-то в сторону, и спустя секунду он уже сидел в своем кресле, щёлкая тумблерами микрофонов и кнопками систем мониторинга. Операторы Системы Контроля Космического Пространства наперебой докладывали обстановку, пытаясь скрыть испуг за повышенными интонациями.

– Вижу цель! – звенели динамики. – Цель одиночная! Баллистическая! Идентификации не поддаётся! Приближается с Востока! Идёт курсом на СССР! Дистанция сорок тысяч километров! Скорость...

– Дистанция тридцать девять тысяч километров! – тут же вклинился в разговор другой голос и мгновенно поправился: – Тридцать восемь тысяч километров! Продолжает сокращаться...

– ...ориентировочно тысяча километров в секунду! – Доклады поступали надрывно-торопливыми криками, едва не перебивая друг друга. – Точнее определить не могу...

– ...войдёт в верхние слои атмосферы через тридцать се... тридцать шесть секунд! – Голоса операторов уже срывались на крик.

– ...ожидаемая точка вхождения в тропосферу – над восточными предгорьями Уральского хребта! Координаты...

– ...дистанция до цели тридцать пять тысяч километров! Продолжает сокра...

Надрывный вопль докладчика хлётко резанул по ушам:

– Расчётная точка контакта – район города Москвы! – Оператор изо всех сил старался скрыть охвативший его страх. – До контакта тридцать три секунды!

Время для Оперативного слилось в единую пулёмётную очередь действий. Он отдавал команды и выполнял необходимые действия так быстро, как не работал ещё никогда в жизни. Части ПВО уже подняты по тревоге, прикрывающий Москву полк ждёт указаний, Министерство обороны оповещено, наверняка дежурные генералы сейчас ломают головы над тем, наносить ли ответно-встречный

ядерный удар, но вот только по кому? Цель появилась в космосе внезапно, спутники не засекали ни старта, ни выхода ракеты на баллистическую траекторию. Быть может, в эти секунды уже будят Генсека, или как его там теперь, Президента... Только всё это не имеет значения. Полковник был хорошим ракетчиком. И, как любой грамотный профессионал, находящийся сейчас в помещении КП, прекрасно понимал, что произойдёт через тридцать секунд. Цель нанесет удар по Москве со всеми вытекающими отсюда последствиями. И дело не в том, что до удара осталось пол минуты, а время развёртывания зенитных ракетных комплексов С-300 – пять минут. Всегда кто-то есть в боевом положении, плюс эскадрильи ПВО в воздухе, плюс система стационарных ракетных комплексов, рассчитанная на перехват в атмосфере. Мы можем достать вражескую межконтинентальную баллистическую ракету на подлёте, в семидесяти – семидесяти пяти километрах от Москвы. Но ни одна из существующих на сегодняшний день ракет не способна перехватить цель, движущуюся со скоростью тысяча километров в секунду. Максимум тысячу двести – тысячу триста метров в секунду. Но не в тысячу раз больше... Неужели американцы смогли разработать и произвести такой снаряд, умудрившись сохранить всё в строжайшей тайне... Можно, конечно, испытывать призрачную надежду на то, что цель потеряет скорость, войдя в атмосферу, и у нас появится хоть самый малый шанс на перехват, но и так ясно, что она не замедлится в тысячу раз. Удара по Москве не избежать. А это значит... Полковник болезненно передёрнул плечами. Неужели война? Как всё-таки они грамотно рассчитали удар. В столице ночь, люди спят в своих домах, жертвы будут максимальными. И с этой перестройкой никто уже и не ждёт...

– ...дистанция до цели двадцать одна тысяча километров! До контакта двадцать секунд! Курс прежний...

– Товарищ полковник! – Бледный офицер связи протянул ему распечатку: – На связи Центр Управления Полётами. Со станции «МИР» сообщают, что в сторону Москвы движется крупный космический объект! ЦУП не знает, откуда он взялся, появился внезапно у самой планеты! У них паника, они постоянно запрашивают, что им делать...

– Проснулись! – Оперативный выхватил бумагу у него из рук. – Ну, хоть не ядерная война, и на том спасибо! – Он быстро пробежал глазами по строкам и внезапно замер: – Что?!! Диаметр десять километров?!! – Полковник рванулся к микрофонам: – Данные по размерам цели! Немедленно!

– Не могу определить ввиду высокой скорости цели! – напряжённо выкрикнул один из операторов. – Расчёт станет возможным через...

– Десять секунд до контакта! – Новый доклад заглушил его слова. – Дистанция девять тысяч километров!

– Девять секунд! – начал отсчёт оператор.

– Размеры цели мне, немедленно! – взревел Оперативный, напрямую отдавая команду частям противоракетного прикрытия произвести атаку цели на упреждение.

– Восемь секунд!

– Есть размеры! – выкрикнул один из офицеров. – Почти одиннадцать тысяч метров в поперечнике!

– Шесть секунд!

Оперативный замер в своём кресле. Вот теперь точно конец. Даже если свершится чудо и противоракеты достанут цель, для неё это будет что слону дробина. Десять километров камня врежутся в планету на скорости тысяча метров в секунду. И уже неважно, в какую именно часть страны они ударят, всё равно от неё не останется ничего. Полковник запоздало подумал, что, если бы это была американская баллистическая ракета, он, пожалуй, был бы ей сейчас рад.

– Четыре секунды! – Командный Пункт замер, словно музей восковых фигур, и голос оператора, проводившего обратный отсчёт, стал единственным признаком жизни в заполненном людьми помещении.

– Три секунды!

– Две секунды!

Неожиданно возникла пауза.

– Ничего не... – непроизвольно выдохнул оператор и тут же торопливо доложил: – Объект вошёл в атмосферу и резко потерял скорость!

– Наблюдаю разделение целей! – тут же последовал доклад с другого поста. – Цель групповая, множественн... Сотни отметок! Быстро снижается!

– Да оно же разваливается в воздухе! – вдруг воскликнул кто-то совсем не по уставу, и замерший КП было тут же взорвался целой бурей докладов.

Когда спустя пять минут стало окончательно ясно, что цель, оказавшаяся неизвестным космическим телом, предположительно полым метеоритом, состоявшим из заледенелых газов, разрушилась, войдя в атмосферу Земли, Оперативный твёрдо решил сделать сегодняшнее число вторым днём рождения для своих детей. Он устало откинулся на спинку кресла и только теперь понял, что взмок так, будто побывал под проливным дождём. Откуда-то издалека пришла мысль, что теперь он точно знает, о чём именно хотят сказать врачи, когда произносят слово «стресс». Полковник запустил руку во внутренний карман кителя, достал упаковку валидола и отправил под язык пару таблеток. Он позволил себе на несколько секунд закрыть глаза, успокаивая бешено колотящееся сердце, так и норовящее выпрыгнуть из груди. «Обошлось», – подумал Оперативный. Конечно, сейчас начнётся целая эпопея с этим метеоритом, разбор полётов и раздача оплеух. Откуда прилетел, почему сразу не заметили, из-за чего потом были не готовы, куда упал, из чего состоял, что после себя оставил, как и благодаря чему произошло столь фантастическое падение скорости, спасшее жизни половине планеты, и черт знает сколько ещё вопросов. После этих разборов запросто можно стать генералом или подполковником. Но сейчас полковника всё это не интересовало. Потом. Всё потом. А сейчас он выделит себе время на отдых. Немного. Всего лишь Короткие сорок секунд. Совсем чуть-чуть. Это ведь ничто по сравнению с тем, как мучительно долго длятся Бесконечные сорок секунд.

Ухтинский район Коми АССР, 27 марта 1991 года, 5 часов 3 минут, в десяти километрах к северо-западу от деревни Кедвавом.

–Что такое, Черныш, чем ты так недоволен? – Старик снял с руки толстенную шубную рукавицу на заячьем меху и ласково потрепал загривок поскуливавшего пса. – Не выспался, что ль, старый лежебока?

Чёрная, как антрацит, сибирская лайка, поджав переднюю лапу, жалобно прижалась к человеку и вновь тихонько заскулила. Петрович поправил висящую за спиной древнюю двустволку и, кряхтя, опустил на корточки рядом с собакой.

– Ну, дружище, что с тобой? – Старик заботливо гладил пса по голове, пытаясь успокоить. – С самого утра сам не свой. Капризничаешь, старая псина, прям-таки как я! – Он ласково улыбнулся лайке. – Да и то верно, с кем тебе ещё поворчать-то? Одни мы с тобой, два старика, друг у друга остались...

Пёс, словно понимая человека, коротко лизнул его в щёку. Чернышу стукнуло уже десять лет, и по своим собачьим меркам он почти ровесник Петровича, доживавшего седьмой десяток. С тех пор как три года назад умерла жена, ближе собаки никого не осталось. Дочери давным-давно поразъезжались по

большим городам и вышли замуж, у них своя жизнь, в которой для старика почти не осталось места. Последний раз он видел их на похоронах, с тех пор лишь по праздникам приходили поздравительные открытки. Внуки заброшенной в глухой тайге на краю света деревенькой не интересовались, вот и выходило по всему, что стареющий Черныш и есть вся его родня. Петрович даже думать не хотел о том, что будет делать, когда верный пёс отдаст богу душу.

– Что, старый хрыч, пойдём дальше? – Старик поднялся на ноги и стряхнул снег с полы тулупа. – Нам ещё топтать и топтать, покуда все капканы не обойдём. – Он двинулся дальше через ельник, на ходу надевая варежку.

Пёс преданно поглядел на человека, повилял колечком хвоста, но с места так и не сдвинулся.

– Давай, Черныш, ищи белочку! – сказал собаке старик, оглядываясь. – А то лучше горностая, Семён за него нам с тобой хорошо заплатит. Угля подкупим, дрожжей, сахарку, первача знатного сообразим, поставим Федьке Рыжему литрушку, он нам за это дело дровишек нарубит-натаскает, а то стар я уже колуном-то махать, не держат руки совсем... Пошли, старый, пошли, чего стоишь, аки вкопанный? Нам ещё крюк делать в добрых километров двадцать, покуда силки проверять будем!

Лайка негромко твякнула, словно соглашаясь с аргументами Петровича, но не ступила и шагу. Наоборот, Черныш потянул носом воздух, словно ожидая чего-то, уселся на снег и вновь тихонько заскулил.

– Да что за напасть такая... – вздохнул старик, возвращаясь к собаке, – али заболел ты у меня, бедолага? Ещё давеча был сам не свой...

Черныш почти всю ночь не спал, беспокойно бродил по дому из угла в угол, часто поскуливая, постоянно подходил к постели Петровича, стаскивал с него одеяло и подолгу лизал старую морщинистую руку. Собачья бессонница быстро передалась человеку, и оба старика остаток ночи не смогли сомкнуть глаз. В конце концов Петрович не выдержал безделья и засобирился в тайгу, обходить силки и капканы, что они с Чернышом выставили третьего дня. Дорога по заснеженной тайге поначалу было успокоила собаку, но едва забрезжил рассвет, как Черныш вновь забеспокоился. И вот теперь пёс вообще не желает двигаться с места. Эка незадача...

– Чернышка, родимый, что с тобой? – Петрович склонился над скулящей собакой. – Почто уселся...

Внезапно пёс поджал хвост, прижал уши к голове и, заскулив ещё сильнее, лёг наземь, вжимаясь в глубокий снег. Старик, пытаясь проследить исполненный страха взгляд собаки, поднял голову и посмотрел в предрассветное небо. В первую секунду старческие глаза не заметили ничего, и Петрович, испустив ещё один тяжёлый вздох, перевёл взгляд на затравленного Черныша. Но уже в следующий миг небо над ними резко просветлело, и старик торопливо вскинул голову.

– Мать честная! – вырвалось у Петровича.

С неба, стремительно приближаясь, спускался огромный огненный шар, оставляя за собой в воздухе недлинный пылающий след. Свет от его пламени осветил окрестности на многие километры вокруг, из-за чего стоящие вокруг ели приняли зловещий бордовый оттенок. Падающий с неба шар спускался в полнейшей тишине, с каждой секундой увеличиваясь в размерах, но старику показалось, что он слышит, как гудит окутывающее его пламя.

– Так вот чего ты так струхнул, Чернышка! – Петрович опустился на снег рядом с собакой и заботливо потрепал вжавшегося в землю пса. – Не робей, дружище, это ж запчасти от ракеты сыплются, не иначе опять в Плесецке чего-то запустили. Не бойся, старый, чай, не впервой!

Старик проследил взглядом за падающим шаром:

– Аккурат в болото за ельником вдарит, – хмыкнул Петрович, – снова учёных туча поналетит на вертолетах, и снова ничего не отыщут. Глубокое болото. Иди-ка сюда. – Он улёгся на снег рядом с собакой. – Тряханёт сейчас сильно. Уж больно она большая, зараза!

Петрович прижал к себе скулящего Черныша и замер в ожидании удара. Огромный, клубящийся огнём шар всё так же бесшумно скользнул за верхушки елей, но ни взрыва, ни землетрясения, ни даже просто хруста ломающейся ледяной корки или чавканья полузамерзшей болотной жижи так и не последовало. Старик подождал ещё немного и приподнялся, прислушиваясь. Из-за ельника, со стороны болота, доносилось негромкое шипение. Петрович встал на ноги и всмотрелся вдаль. Там, за ельником, из-за верхушек деревьев, в воздух поднимался гигантский столб пара, распугивая стайки птиц, поспешно разлетающихся во все стороны подальше отсюда.

– Чудно! – пожал плечами старик, обращаясь к собаке. – Такая здоровенная была эта ракета, а ведь совсем неслышно упала. Не иначе как военная! – Петрович со знанием дела покивал головой. – Я тебе говорю! Это наши испытывают бесшумные ракеты, специально чтобы супостата врасплох застать. Потому мы и не слышали ни звука! – Он довольно крикнул. – Аккурат военная, как пить дать!

Вжавшийся в землю Черныш посмотрел на хозяина и вновь жалобно заскулил. Петрович хотел было успокоить собаку, как вдруг до его ушей донёлся слабый свист. Звук постепенно нарастал, пробиваясь через опущенные уши добротной охотничьей шапки-ушанки, и что-то в том звуке угадывалось для старика давно забытое, но очень знакомое. Он снял ушанку, чтобы прислушаться, и в ту же секунду старые воспоминания яркой вспышкой озарили память. Прохоровка, сорок третий, приближающиеся цепи автоматчиков, прячущихся за квадратные танки с белыми крестами на серой броне, развороченный дот с дымящимся от перегрева пулемётом, зловещие тени шестёрки Ю-88, пронёсшейся в небе, истошный крик: «Воздух!!! Юнкеры!!!» и заглушающий всё вокруг пронзительный визг отчаянно рвущихся к земле авиабомб...

Старик поднял голову вверх так быстро, что захрустел артрит в шейных позвонках. В небе, со всех сторон, насколько хватало глаз, пылающим дождём сверкали кроваво-огненные метеориты. Эти исполинские капли, как бомбовый удар перед наступлением противника, с до боли знакомым визгом неслись к земле.

– Ядрить твою налево! – выдохнул Петрович, сгребая в охапку Черныша.

Мгновенно вскипевший в крови фронтальной рефлекс бросил старика в сторону, под торчащие корневища ближайшего дерева. В следующий миг огненный дождь с кровожадным воем ударил по заснеженной тайге. От множества оглушительных взрывов в голове Петровича стоял непрерывный звон, земля то и дело подпрыгивала вместе с ним, содрогаясь от очередного удара, всё вокруг трещало, хрустело и лопалось, обдавая старика и прижавшегося к нему пса фонтанами снега, древесной щепы и земляных комков. Как тогда, во время фронтовых бомбёжек, Петрович потерял счёт времени, не в силах понять, сколько он пролежал под рвущими ельник ударами, пять минут или пять часов. Очнулся он, почувствовав, как что-то мокрое и шершавое елозило у него по лицу. Старик открыл глаза.

– Хватит, хватит! – Петрович отстранил от себя Черныша, добросовестно вылизывающего ему лицо. – Живой я! – Однако пёс не унимался. – Да живой, кому говорю! Ишь, всего обслонявил, санинструктор! Сейчас ледяной коркой покроюсь! – Старик несильно оттолкнул собаку, потом ухватился за обломок корневища и с трудом уселся на снег.

При виде хозяина, пришедшего в себя, Черныш радостно взвизгнул и закрутился, высоко подпрыгивая, словно годовалый щенок. Петрович огляделся. Весь близлежащий лес был нещадно изломан и перепахан – повсюду торчали обломанные стволы, валялись обожжённые кроны, ещё недавно чистый и белый снег превратился в грязно-серое снежно-земляное крошево, однако пожаров нигде не было. Вместо огня из многочисленных воронок поднимались столбы густого пара, с шипением тающего в морозном воздухе. Старик по-фронтальному привычно осмотрел себя и, не найдя повреждений, поднялся на ноги.

– Да, дела... – протянул он, обращаясь к собаке, – что же это было-то, а? Попали мы с тобой, Черныш, под старость лет в переделку, словно хвост в рукомойник! Хорошо хоть, обошлось. Ты как сам-то? Цел?

Пёс снова довольно подпрыгнул и отрывисто гавкнул, сообщая хозяину, что цел и невредим.

– Тогда пошли-ка домой, подобру-поздорову, – постановил Петрович, – пока ещё чего не вышло.

Сопровождаемый собакой старик, обходя воронки и рухнувшие деревья, направился в сторону деревни, на ходу обсуждая произошедшее.

– Это, Черныш, был метеоритный дождь, – объяснял псу Петрович, – точно тебе говорю. Метеоритный! Из самого космоса пришёл, как пить дать! Я вот что думаю, Чернышка, это его той ракетой притянуло, что аккурат перед ним упала. Та самая, секретная бесшумная ракета. Понимаешь?

Счастливый пёс утвердительно гавкнул, давая понять, что понимает.

– Ни черта ты не понимаешь, пёсий ты сын! – добродушно улыбнулся старик. – Где уж тебе с твоими-то собачьими мозгами. Так что слушай меня! Я так понимаю, что дождь этот метеоритный неспроста за ракетой пошёл. Специально это было сделано. Оружие такое, секретное. Сначала ракета бесшумная к супостату прилетает, а потом за ней огненным дождем противника-то и накрывает! Понял, мохнатая твоя башка? Испытания это были, вот что! И то правда, места у нас тут глухие, кто ж там, в Генеральном Штабе, мог знать, что мы с тобой, два старика неспящих, погрёмся сюда ни свет ни заря? Потому и попали под самую что ни на есть бомбёжку...

Петрович некоторое время объяснял Чернышу суть происходящего, как вдруг пёс рванулся в подлесок и разразился оттуда звонким лаем.

– Чего это ты разорался, старый дуралей? – Старик, кряхтя, пролез за собакой сквозь густую растительность. – Это ещё что за хреновина?!

Он остановился, разглядывая собачью находку. Посреди подлеска обнаружилась небольшая поляна, покрытая чистым снегом. Прямо на ней лежал полупрозрачный каплевидный камень размером с мешок картошки. Гладкая бордовая поверхность словно светилась изнутри, при этом не освещая ничего и не излучая света, но Петрович мог поклясться, что камень светится. И пусть света от него никакого, достаточно было просто посмотреть на него, чтобы стало ясно – он светится. Черныш, весело виляя хвостом, приняхивался к камню, то поглядывая на хозяина, то принимаясь рыть под камень подкоп. Старик подошёл ближе.

– Дела... – изрёк он, присматриваясь к находке.

Диковинный камень, судя по размерам, должен был весить не меньше центнера, однако он даже не примял под собою снег. Не может же он висеть в воздухе?! Петрович снял со спины двустволку и осторожно толкнул камень прикладом. Камень не шелохнулся. Тяжёлый, паразит. Тогда почему ж он на снегу лежит так, словно из ваты? Старик посмотрел на пса. Черныш деловито рыл снег вокруг камня, время от времени задевая лапами идеально гладкую бордовую поверхность. По всему выходило, что камень этот не опасный... Петрович коснулся его рукой и тут же отпрянул назад от неожиданности. Даже через толстую варежку он почувствовал, что камень горячий. Не обжигающий, но именно горячий, градусов, эдак, в шестьдесят. Старик опустил на колени и прищурился, тщательно всматриваясь в снег под гладкой горячей поверхностью. Снег не таял. Петрович протёр глаза и присмотрелся ещё раз, но результат был тот же: горячий камень весом в добрый центнер лежал на снегу, но снег под ним не приминался и не таял. Тогда старик упёрся в землю ногами, в камень руками и постарался столкнуть бордовую каплю с места. Сначала камень не поддавался, но в следующий миг вдруг неожиданно легко сдвинулся с места. Черныш довольно залаял, мол, всего-то и дел было, что поднажать как следует.

– Знаешь что, Чернышка? – многозначительно изрёк Петрович, толкая вперёд ставший вдруг совсем не тяжёлым камень. – А возъм-ка мы эту космическую метеоритную диковину с собой! Глядишь, пригодится в хозяйстве. Эвон, вместо грелки будет нам с тобой. Пожару-то от него никакого! Да и вещь красивая, будет глаз радовать. Правда, тащить его теперь десять километров... Ну да ничего, и не такое мы с тобой таскали.

Старик сбросил с плеч рюкзак, отвязал от него короткие широкие охотничьи лыжи, достал верёвку и присел перед камнем, прикидывая, как поллучше приладить их к диковинной находке.

Предположительный центр падения метеорита, тайга, окрестности деревни Кедвавом, 4 апреля 1991 года, 13 часов 40 минут.

Облачённый в неуклюжий скафандр человек отделился от длинной цепи затянутых в ОЗК солдат, обшаривающих анализаторами дозиметрических приборов каждый миллиметр покорёженной тайги, и неловко побрёл к небольшой расчищенной площадке посреди леса. То и дело спотыкаясь о заснеженные обломки веток и деревьев, густо усеивающих землю, ученый старательно обходил даже небольшие выемки, опасаясь провалиться в одну из многочисленных воронок, засыпанных прошедшим ночью снегопадом. Добравшись до площадки, в центре которой была разбита надувная гермопалатка из прозрачного двуслойного полимера, он потопал ногами, стряхивая снег с ботинок скафандра, и, немного пригнувшись, вошёл внутрь.

Посреди палатки, вокруг сдвинутых друг к другу передвижных стоек с многочисленным научным оборудованием, сгрудились несколько человек в таких же, как он, неуклюжих скафандрах, взгляды которых были прикованы к дисплеям всевозможных счетчиков, измерителей, осциллографов, потенциометров и прочих датчиков, густо рябящих строками сложных научных данных. Вошедший мельком покосился на обилие индикаторных стрелок, диаграмм, цифр и синусоид, после чего неловко поднял руки к голове и стащил с неё объёмистый шлем скафандра.

– Не преждевременно ли, Леонид Валерьевич? – нахмурился кто-то из присутствующих. – Первичный анализ данных ещё не закончен...

– Ерунда, – отмахнулся тот, – мы здесь уже шесть часов, и ещё к полудню было ясно, что опасности нет. – Он помолчал немного и добавил: – По крайней мере, такой, от которой могут защитить эти скафандры. Военные обшарили уже десять квадратных километров, счётчики Гейгера показывают норму, ни химической, ни бактериологической угрозы также не обнаружено. Если метеорит и принёс сюда что-то ещё, то мы этого ещё не нашли.

Он подошёл к коллегам и наскоро просмотрел несколько перфолент с графическими данными, лениво выползающих из недр приборов.

– Что у вас, Николай Семёнович? – Учёный взглянул на коллегу. – Есть новости?

– По-прежнему ничего конкретного, – развёл руками тот учёный, что предостерегал его от преждевременной разгерметизации скафандра, – но есть некоторые любопытные странности.

– Сейсмическая активность? – предположил вошедший.

– Нет, она в норме, – Николай Семёнович отрицательно кивнул, – сообщения местных геологических станций не подтвердились. Если тут что-то и происходило, оно закончилось до нашего прибытия.

– Что ж, мы этого ожидали, – невесело поморщился человек без шлема, приглаживая рукой седую шевелюру, – крайне печально, что на организацию экспедиции было потрачено столь непростительно много времени...

Он вздохнул. В кои-то веки науке выпала уникальная возможность изучить редчайший феномен – падение колоссального газового метеорита, под действием запредельно низких температур

космического вакуума кристаллизировавшегося в пузырьчатое твёрдое тело, а на сбор и подготовку экспедиции не оказывается средств! Ему, академику Лаврентьеву, пришлось лично бегать по высоким кабинетам, буквально вымаливая деньги на экспедицию. Но поистине фантастическая перспектива возможных открытий, быть может, обновления состава таблицы Менделеева, а то и переосмысления старых представлений об устройстве Солнечной системы, галактики или даже Вселенной, в буквальном смысле свалившаяся с неба прямо в руки, абсолютно не интересовала чиновников. В стране творится чёрт знает что, и московские номенклатурщики озабочены только одним: как урвать себе кусок побольше в начинающейся неразберихе. СССР трещит по швам, и высшим бюрократам наплевать на науку. Лаврентьев гневно достучался практически до самого верха, и только после этого на организацию экспедиции были выделены средства, да и то на треть меньше затребованных.

В результате время было упущено. Станции нефтепромыслов, ближе всего расположенные к району падения метеорита, почти сутки сообщали о регистрируемых сейсмодатчиками слабых колебаниях земной коры, из близлежащих посёлков приходили сведения о поистине феноменальном сходении метеоритного дождя, сопровождавшего разрушение метеорита при входе в атмосферу, и последующих за этим огромных выбросах струй пара из мест падения его осколков. Но пока экспедиция оформляла бюрократические бумаги, закупала и получала снаряжение и транспорт, утрясала формальности со взаимодействием с местными органами власти и армией, а потом ещё добиралась к месту событий, всякая активность в районе падения прекратилась. Ко всему прочему, накануне их прибытия прошёл сильнейший снегопад, и результативность поисков вообще свелась к нулю. Изувеченная бомбардировкой тайга в радиусе пятидесяти километров – вот и все, что пока удалось обнаружить. В тех нескольких воронках, что пока удалось разыскать под сильнейшими завалами, засыпанными толщей свежего снега, не было найдено абсолютно ничего. Конечно, уже само по себе это было определённым результатом. Пробы почвы из воронок в срочном порядке уже готовили к отправке в Москву, где их подвергнут доскональному изучению, но самого главного – явных частиц упавшего метеорита пока отыскать не удалось. И рассказы местных жителей ещё больше ввергали учёных в уныние. Те немногие очевидцы падения именно метеоритного ядра, что не спали в то утро, все как один указывали, что рухнул он точно в центр одного из таёжных болот, которых в этих местах десятки. Болото экспедиция нашла, но толка от этого не прибавилось, от метеорита не осталось и следа, а осушить болото не представлялось возможным.

– Так что же мы имеем? – Лаврентьев вопросительно посмотрел на коллегу.

– Взгляните на показания осциллографа, – кивнул тот, указывая на прибор.

– Хм... – нахмурился академик, – что за ересь... Возможно, прибор раскалиброван?

– Нет, – возразил Николай Семёнович, – остальные ведут себя так же. К тому же я лично проводил калибровку перед выездом из Ухты. – Он протянул руку к соседней приборной стойке: – И вот ещё компасы. Весьма любопытно.

Лаврентьев перевёл взгляд на две стоящие рядом тяжёлые экранированные консоли со встроенными буссолями, геодезическими уровнями, сейсмодатчиками и компасами. Стрелки их компасов указывали прямо противоположные друг другу направления.

– Любопытно! – просветлел академик. – Значит, всё-таки какая-то аномалия тут есть! Когда это началось?

– Невозможно определить, – покачал головой ученый, – дело в том, что это происходит с компасами не всегда. Они-то работают исправно, то начинают показывать чушь, причём не всегда оба, зачастую шалит только один из них, причём всегда разный. И отклонения выдаются тоже различные, без какой-либо упорядоченности. И это – единственное, что вызывает интерес. Никаких других аномалий или отклонений в этом районе нет.

– Значит, мы их ещё не нашли! – В глазах Лаврентьева уже пылало пламя полубезумного научного энтузиазма. – Здесь что-то есть, Николай Семёнович, а раз есть, то я обязательно это разыщу!

Он энергичным шагом подошёл к одному из ассистентов и потребовал освободить себя от скафандра. Едва избавившись от неуклюжего одяния, академик энергично потёр руки и устремился к стоящему в углу палатки небольшому походному письменному столу. Усевшись на раскладной стул, Лаврентьев выхватил из рук подоспевшего помощника ручку и бумагу и принялся писать.

– Николай Семёнович, голубчик, – заявил он, не отрываясь от написания, – вы сегодня же выезжаете вместе с образцами в город. Полетите в Москву и отвезёте в Академию наук моё письмо. Необходимо проведение гораздо более тщательного исследования этих мест! Я остаюсь здесь и завтра же займусь болотом. И если мне удастся найти в этом хоть малейший смысл, я буду требовать его полного осушения! А пока вся надежда на военных. Благо к нашему везению тут неподалеку расположен строительный батальон, оснащенный всем необходимым для поисков. Будем искать кратеры от падения метеоритного потока! Что-то должно было остаться, не могло же испариться все без исключения!

Академик некоторое время излагал свои планы, размахисто черкая ручкой по бумаге, после чего велел помощнику запечатать письмо, позволил ассистенту надеть на себя меховую куртку и шапку и выскочил из палатки, на ходу подзывая к себе ближайшего из солдат:

– Молодой человек! Да, да, вы! Будьте любезны, подойдите-ка сюда! – Лаврентьев пошарил вокруг взглядом, но затянутые в ОЗК военные были все на одно лицо.

– Рядовой Сомов! – прогундосил через противогаз солдат, отдавая ему честь.

– Вот что, товарищ Сомов. – Академик вздрогнул от порыва ветра и накинул поверх шапки капюшон от куртки. – Отыщите мне Виктора Степановича, майора Лученко! Скажите, академик Лаврентьев хочет его видеть.

– Есть! – козырнул солдат и развернулся.

– Да, голубчик! – окликнул его седой академик. – Скажите Виктору Степановичу, что противогазы можно снять.

20 километров от эпицентра падения метеорита, тайга, 14 сентября 1991 года, 14 часов 10 минут.

– Копай-копай, салага! – Грозный голос нависшего над ямой сержанта подстегнул хилого юношу в погонах рядового к решительным действиям. – Команды «Перерыв» не было!

– Да сколько ещё можно копать-то? – Рядовой обречённо вонзил лопату в землю. – Нету здесь ничего, уже на метр воронку заглубил! – Он с опаской покосился на смуглого мускулистого командира. – Товарищ сержант, может, другую поискать?

– Может, и другую... – задумался сержант, оценивая объём произведённых раскопок, – давай ещё полметра, а там посмотрим.

Рядовой понуро кивнул, взмахнул лопатой, снова воткнул её в землю и остановился, тыкая ею в дно ямы, словно щупом.

– Кажись, есть что-то... – неуверенно произнёс он.

– Опять корневища? – Отошедший было сержант вновь навис над краем разрытой воронки.

– Не похоже, – ответил рядовой, – уж больно твёрдое...

Он принялся орудовать лопатой и спустя минуту извлёк из земли оплавленный камень размером с кулак.

– Вот, ещё один, – доложил рядовой.

– Молодец, Зыков! – похвалил его сержант. – Получишь благодарность от начальства! Давай его сюда. – Он протянул руку.

– Солить мне, что ли, эти благодарности? – пробурчал рядовой, передавая камень. – Уже десяток накопился. Лучше б отпуск дали, домой хоть сгонять...

– Разговорчики! – одёрнул его сержант. – Ишь, размечтался! Отпуск ему подавай. Вот отслужишь год, тогда и поедешь. – Он забрал из рук рядового находку. – Давай, вылазь. Пять минут перерыв, заслужил.

Сержант подошёл к лежащему на поляне вещмешку и бросил туда камень.

– Липкая дрянь, – поморщился он, глядя на абсолютно сухую ладонь, – и как это они липнут, если сухие и твёрдые... – Он затянул ремни вещмешка, на дне которого уже болтались три откопанных метеорита, и окинул взглядом подчинённых.

Его отделение лениво раскапывало старые воронки, оставшиеся от прошедшего в этих местах полгода назад метеоритного дождя. Сержант с иронией покачал головой. Армейский дебилизм, да и только. На кой сдались начальству эти камни? Пол батальона шестой месяц слоняется по тайге в поисках метеоритов. Они что, и вправду думают, что сотня бойцов с лопатами может перерыть территорию в пятьдесят километров в поперечнике?! Конечно, как гласит армейская мудрость: «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор», но этих дыр в земле, их тут тысячи, если не десятки тысяч. Хорошо ещё, что хоть сама задача примитивная, ничего толком объяснять бойцам не надо. А то у него в отделении по-русски хорошо понимает один только Зыков, произнося фамилии остальных, сержант до сих пор боится язык сломать. И в остальных ротах не лучше, стройбат ведь, что с него взять... Сержант посмотрел на часы и, набрав в грудь воздуха, зычно произнёс:

– Отделение! Слушай мою команду! Перерыв! Выходи строиться на обед! – Даже сама мысль о построении на обед восьми человек посреди тайги не вызвала у него улыбки. Этих балбесов надо пересчитывать каждые полчаса, не то попросту заблудятся в трёх ёлках, дети песков, блин...

Вымазанные в земле бойцы вылезли из ям, выстраиваясь в неровную шеренгу, и сержант, убедившись в наличии всех людей, приказал приступить к разогреву сухого пайка. Он уселся на поваленное дерево и достал из своего вещмешка консервную банку и с минуту возился, вскрывая её штык-ножом. Затем он достал армейскую алюминиевую ложку и принялся за обед, внимательно следя за действиями подчинённых. «За этими баранами глаз да глаз нужен. Ещё не хватало, чтобы какой-нибудь Джуманиязов разогрел вместе с банкой тушёнки половину окрестной тайги. Кстати, где он?» – Сержант окинул взглядом людей и, устало вздохнув, поднялся на ноги.

– Джуманиязов! – крикнул он тоном, не предвещающим будущему аксакалу ничего хорошего. – Джуманиязов!!! Ты куда делся, придурок?! – Ответа не последовало, и сержант повысил голос: – Джуманиязов!!!

«Придётся искать, – скривился сержант, – дальше орать – себе дороже. Вся рота роет воронки в этой округе, и ротный слоняется туда-сюда между отделениями, проверяя ход работ. Если услышит и поймёт, что пропал боец, сержанту несдобровать. Это конкретный залёт. Со взводным ещё можно договориться, а с командиром роты бесполезно, узнает – и уходит сержанту на дембель самым последним. Ну, Джуманиязов, ты попал! Найду, точно фанеру тебе проломлю!» – Сержант тихо выругался и посмотрел на подчинённых:

– Назыров! Остаёшься за старшего. Всем сидеть тут и ждать! Если до моего прихода кто сдвинется с места – придушу! Зыков! Со мной пойдёшь! Резко вскочил и побежал! – Сержант угрюмо направился в сторону ближайших деревьев: – Не слышу ответа по уставу, Зыков!

– Есть, товарищ сержант! – промямлил рядовой, торопливо догоняя своего командира. – А куда пойдём искать-то?

– Прямо! – огрызнулся сержант. – Далекo этот дебил уйти не мог. Наверняка залез за дерево и харю мочит, скотина. Найду – убью!

Зыков благоразумно предпочёл промолчать, и некоторое время они молча прочёсывали изломанную берёзовую рощицу, углубляясь все дальше. Джуманиязова нигде не было. Спустя полчаса поисков сержантская злоба окончательно сменилась испугом. Если Джуманиязов не найдётся вообще, один Аллах знает, что с ним сделает начальство. Он спешно пытался вспомнить, что говорил ротный на инструктаже по поводу диких зверей в этой местности.

– Зыков! – окликнул сержант бредущего в десяти шагах рядового. – Может, его медведь сожрал? Ты инструктаж помнишь? Что там про них говорили?

– Нет, – покачал головой тот, – капитан сказал, что медведей тут нет. Вроде один живёт километрах в тридцати и сюда никогда не ходит. Да и не отправили бы нас эту дрянь копать, если б тут медведи бродили. А если задерут кого-нибудь? Офицерам на полжизни садиться не хочется...

Короткий крик прервал его на полуслове.

– Тихо! – махнул рукой сержант. Оба бойца замерли, прислушиваясь. Спустя пару мгновений крик повторился вновь. – Джуманиязов!!! Это ты?!!

Джуманиязов орал истошно, но его вопли звучали глухо и негромко, словно издалека.

– Он что, из-под земли орёт, что ли? – произнёс сержант, растерянно оглядываясь по сторонам. – Джуманиязов!!! Где ты?!!

– Может, он в воронку провалился? – предположил Зыков. – Товарищ сержант, помните, те учёные рассказывали, что должны быть очень крупные воронки от метеоритов, которые надо искать? Может, он и нашёл...

В этот момент глухой вопль повторился вновь, на этот раз уже ближе.

– Туда! – Сержант устремился на звук. – Джуманиязов!!! Мы здесь!!!

Крики уже не прекращались, Джуманиязов истошно вопил, крики звучали глухо, но потерявшийся явно был совсем недалеко. Бойцы, перепрыгивая через обломки деревьев и груды валежника, преодолели метров двадцать леса, как вдруг крик зазвенел громко и отчетливо. Спустя несколько секунд впереди, из-за кустов и деревьев, выскочил Джуманиязов с перекошенной от ужаса физиономией и, не разбирая дороги, рванулся куда глаза глядят, словно не замечая бегущего ему навстречу сержанта. При этом он обхватил одну руку другой, прижимая её к животу, и продолжал истошно орать.

– Зыков! Лови его! – закричал сержант, пытаясь схватить проносящегося мимо Джуманиязова, но не успел.

Оба бойца бросились догонять убегающего. Через десяток шагов Джуманиязов запнулся об обломок дерева и кубарем полетел наземь. Упав, он перестал орать и, судорожно извиваясь, пополз, не разбирая дороги, пока не уткнулся в вывороченную с корнем берёзу и замер. Первым до него добрался Зыков. Он склонился над свернувшимся в клубок беглецом, пытаясь выяснить, что произошло:

– Джуманиязов! Что с тобой?! – Зыков затряс его за плечи.

В этот момент рядом с ними оказался сержант.

– Джуманиязов, дебил, тупая скотина! Ты где был, придурок?! – Он с размаху заехал лежащему сапогом. – Убью козла! – Последовал второй удар.

– Он не слышит ни фиги! – Зыков отвернулся от Джуманиязова. – У него кровь! С рукой что-то, не могу понять, вцепился в неё намертво! – Солдат снова склонился над лежащим и вдруг резко отпрянул назад: – Охренеть! – Зыков испуганно посмотрел на сержанта. – У него половины ладони нет! Словно бензопилой отхватило!

И действительно, скрючившийся Джуманиязов вдавил себе в живот кровоточащий огрызок ладони и не реагировал ни на окрики, ни на удары. Он лежал, закатив глаза, и, безумно сверкая белками, беспрерывно бормотал что-то невразумительное исполненным панического ужаса голосом.

– Т-товарищ сержант, что он говорит? – промямлил Зыков. – Я кроме слова «шайтан» ничего не понимаю...

– Откуда я знаю?! – Сержант влепил Зыкову оплеуху. – Я тебе что, туркмен, ты, урод?

Зыков втянул голову в плечи, и сержант зло обшарил Джуманиязова взглядом:

– Руку порвал, ремня нет, фляги нет... ротный устроит мне полный звиздец! Аллахом клянусь, если из-за этого козла мне задержат дембель, я ему башку зубами отгрызу! – Он встал на ноги и ещё раз пнул лежащего Джуманиязова, вымещая зло.

– Что делать будем? – Зыков был бледен, как полотно. – Сами его потащим или на помощь позовём?

– Сначала пошли посмотрим, откуда он прибежал, – немного подумав, ответил сержант, – может, ремень с флягой подберём, хоть не так сильно попадёт от ротного.

– А как же Джуманиязов? – опешил Зыков.

– Да куда он денется? – сплюнул сержант. – Пусть валяется пока тут, слизняк позорный...

Они принялись обшаривать кусты и валежник в поисках потерянного снаряжения, бродя от дерева к дереву, но уже через двадцать метров изломанная рощица неожиданно закончилась густым кустарником, выходящим на довольно большое болото.

– Это он там, что ли, был? – Зыков вытаращил глаза не хуже Джуманиязова, указывая пальцем на представшую их взглядам картину.

Посреди болота, почти полностью утопая в нём, лежал огромный, непонятной формы камень размерами не меньше рухнувшей плашмя десятиэтажки. Сходства добавляло обилие зияющих темнотой дыр, усеивавшее поверхность камня, словно разбитые окна на стене опрокинувшегося здания. Верхняя кромка этой громадины неровно торчала из болота, где-то едва высываясь из грязной синей жижи, а где-то выпирая из неё на несколько метров. У самого берега болота в камне чернела пещера высотой с человеческий рост, от которой к берегу вели отпечатки следов армейских сапог. Приглядевшись, несложно было заметить на окружающем следы кочкарнике капли крови.

– Ни хрена себе... – выдохнул сержант.

С минуту оба молча смотрели на изъеденную дырами громадину, утопающую в болоте, потом Зыков, осторожно придвинувшись к сержанту, тихо сказал, не сводя глаз с неестественно синей болотной жижи:

– Т-товарищ с-сержант... это его, Джуманиязова, следы... вон и кровь... Здесь он был. – Рядовой попятился ещё сильнее, стараясь оказаться поближе к сержанту. – Эта дура в болоте, это же метеорит! Мы выкапываем точно такие же, только маленькие! – Зыков обернулся к сержанту и уже не по уставу зашептал: – Ильдар, слушай, не надо никому рассказывать, что мы видели эту хреновину! Нас же сюда и пошлют первым делом, выкапывать всё это! Не доброе тут место, задницей чую! Не дай бог, попадём в передрагу, как Джуманиязов! Вон, гляди, болото вокруг камня синее стало... В гробу я видал сюда лезть, а, Ильдар?!

– Агрх! – выругался сержант и резко шлёпнул себя рукою по щеке. – Что за дерьмо? – Он, сморщившись, разглядывал размазанное ударом по ладони синее склизкое существо размером с ноготь, не то маленькую круглую пиявку, не то большого плоского клопа без лапок. – Дрянь, блин! – Он брезгливо вытер руку о штанину и почесал зудящее место укуса.

– Пойдём отсюда, а? – с дрожью в голосе попросил Зыков.

– Дело говоришь, – согласился сержант, – валим отсюда. Мы ничего не видели. Джуманиязов сам прибежал с покоцанной рукой, что он там рассказывает – всё неправда. Наверное, головой ударился, помоги ему Аллах! Мы ничего не знаем!

Солдаты, не сговариваясь, развернулись и торопливо поспешили обратно в лес.

Окрестности деревни Кедвавом, расположение воинской части «N», строительный батальон, 22 сентября 1991 года, 18 часов 30 минут.

Пролог

Полусонный человек в безукоризненно отутюженном кителе с полковничьими погонами и красной повязкой оперативного дежурного на рукаве устало потёр глаза и, беззвучно кряхтя, поднял своё грузное тело из рабочего кресла. Он слегка потряс головой, отгоня сонливость, потом, тяжело ступая, вышел из-за стола, заставленного аппаратурой засекреченной связи. Его взгляд скользнул по стеклянным картографическим планшетам и электронным табло, окружающим боевые посты несущих службу операторов СПРН. Затем он мельком прошёлся по дисплеям компьютеров, отображающих в реальном времени данные со спутников, призванных зорко следить за ракетоопасными участками территории вероятного противника. И наконец, остановился на своём отражении в ближайшем карт-планшете, заменявшем собою одну из стен его боевого поста.

Полковник расправил плечи и, насколько смог, втянул объёмистый животик. «М-да, хорош, ничего не скажешь... – Он саркастически ухмыльнулся. – Раздобрел на сидячей работе, даром что нервная. А врачи говорят, на почве постоянного напряжения и частых стрессов организм склонен к сильной потере веса. Видать, мой живот об этом ничего не знает...» Он вспомнил лейтенантскую юность, когда молодой жилистый ракетчик, рослый красавец офицер был способен без усталости сутками гонять личный состав, натаскивая вчерашних призывников на занятиях по развёртыванию в боевое положение зенитных ракетных систем и последующем их свёртывании в походное положение для выхода из района стрельб до ответной атаки вражеской авиации. Да, были времена... Его подразделению тогда принадлежал рекорд скорости по развёртыванию С-200, а ведь эта система в те годы была, ни много ни мало, противоракетным щитом страны. Полковник едва заметно улыбнулся, вспоминая свою первую награду, полученную за это достижение. Командование отметило его личной фотографией у Боевого Знамени части. Генерал собственноручно сделал на ней надпись «Лучшему ракетчику полка». Вроде бы мелочь, всего лишь фото, даже не медаль. Но до сих пор эта награда оставалась для полковника самой дорогой. Всё-таки первая.

Он вспомнил стройную фигуру старшего лейтенанта, замершего у Боевого Красного Знамени, и вновь бросил на своё отражение укоризненный взгляд. Надо бы заняться собой. Хотя бы гимнастику по утрам делать, что ли... Полковник едва заметно вздохнул и подошёл к стоящему в углу боевого поста сейфу. Он набрал личный код, открыл дверцу и достал из бронированного хранилища свой рабочий портфель, недра которого скрывали тут же извлечённый на белый свет небольшой термос. Кофе, самый обычный – пайковой, растворимый, сейчас будет как нельзя кстати. Уж больно тяжёлое время суток, самые сонные часы. Полковник наполнил кружку и, несколько вразрез с уставами и инструкциями, так и остался стоять посреди боевого поста оперативного дежурного, обводя взглядом Командный Пункт, не забывая время от времени делать глоток едва тёплого напитка. Операторы, которые тоже поклёвывали носами или растирали руками красные воспалённые глаза, при виде Оперативного немедленно оживились и заёрзали в креслах, ёжась под суровым взглядом начальника, не сулящим им ничего хорошего. Он мысленно улыбнулся. «Так-то вот. Я вас взбодрю получше любого кофе, шалопаи. Спать надо было дома, перед дежурством, а не с девками баловаться. А тут

надо службу тащить. И тащить её надо исправно! Нити колоссальной системы сходятся в этом КП. На пультах операторов боевых постов ежесекундно поступают потоки данных с множества мощнейших РЛС, разбросанных по территории СССР, идёт информация со спутников Центра Контроля Космического Пространства, а ведь он неотрывно ведёт почти шесть тысяч различных космических объектов, находящихся на орбите планеты, не говоря уже о том, что орбитальная группировка не сводит глаз с ракетоопасных направлений вероятного противника. От нас зависит безопасность огромной страны!»

Полковник невесело поморщился. Огромная страна всё глубже погружалась в не менее огромный хаос. Советский Союз разваливался на глазах, и он решительно не понимал, что творят эти болваны от политики. Шутка ли сказать, они собираются угробить такую махину! Зачем?! Убить колоссальное государство, громадный слаженный механизм, перед мощью которого дрожит весь Запад, разбить его вдребезги на множество беспомощных кусочков-винтиков, которые мгновенно окажутся лёгкой добычей для проходимцев всех мастей – от распоясавшихся уголовников, освобождённых новомодными амнистиями, до ушлых политиканов, купленных с потрохами заокеанским вероятным противником. И кому это выгодно? Оперативный зло насупил. Как раз тем, чьи территории денно и ночью прощупывают спутники его КП. Ох, не далеки от истины злые шутники, многозначительно вопрошающие в своих анекдотах, мол, а почему это на плечи Генерального родимое пятно в виде Америки? Полковник покачал головой, мысленно обращаясь к герою анекдотов. Что же ты делаешь, крестьянин ты эдакий, мать твою?! Ломать не строить, тут большого ума не надо...

Он ещё раз окинул грозным взглядом КП и, сжимая в руке опустевшую кружку, направился к термосу. «Ещё немного кофе не помешает. Одна надежда на прошедший всесоюзный референдум, – размышлял он, отвинчивая колбу термоса, – может быть, хоть по его итогам эти идиоты одумаются? Всё-таки подавляющее большинство населения всех республик проголосовало за сохранение СССР. Правда, не во всех союзных республиках референдум провели». Но это и не удивительно, сейчас в стране такой бардак, что порой казалось, что единственное место, где ещё сохранился незыблемый порядок, был его КП. Полковник аккуратно поднёс кружку к горлышку термоса, и коричневая жидкость с запахом кофе начала наполнять кружку.

Резкий вой сирены боевой тревоги распорол тишину так внезапно, что Оперативный дёрнулся от неожиданности, расплёскивая кофе на пол. Термос и чашка полетели куда-то в сторону, и спустя секунду он уже сидел в своем кресле, щёлкая тумблерами микрофонов и кнопками систем мониторинга. Операторы Системы Контроля Космического Пространства наперебой докладывали обстановку, пытались скрыть испуг за повышенными интонациями.

– Вижу цель! – звенели динамики. – Цель одиночная! Баллистическая! Идентификации не поддаётся! Приближается с Востока! Идёт курсом на СССР! Дистанция сорок тысяч километров! Скорость...

– Дистанция тридцать девять тысяч километров! – тут же вклинился в разговор другой голос и мгновенно поправился: – Тридцать восемь тысяч километров! Продолжает сокращаться...

– ...ориентировочно тысяча километров в секунду! – Доклады поступали надрывно-торопливыми криками, едва не перебивая друг друга. – Точнее определить не могу...

– ...войдёт в верхние слои атмосферы через тридцать се... тридцать шесть секунд! – Голоса операторов уже срывались на крик.

– ...ожидаемая точка вхождения в тропосферу – над восточными предгорьями Уральского хребта! Координаты...

– ...дистанция до цели тридцать пять тысяч километров! Продолжает сокра...

Надрывный вопль докладчика хлётко резанул по ушам:

– Расчётная точка контакта – район города Москвы! – Оператор изо всех сил старался скрыть охвативший его страх. – До контакта тридцать три секунды!

Время для Оперативного слилось в единую пулёмётную очередь действий. Он отдавал команды и выполнял необходимые действия так быстро, как не работал ещё никогда в жизни. Части ПВО уже подняты по тревоге, прикрывающий Москву полк ждёт указаний, Министерство обороны оповещено, наверняка дежурные генералы сейчас ломают головы над тем, наносить ли ответно-встречный ядерный удар, но вот только по кому? Цель появилась в космосе внезапно, спутники не засекли ни старта, ни выхода ракеты на баллистическую траекторию. Быть может, в эти секунды уже будят Генсека, или как его там теперь, Президента... Только всё это не имеет значения. Полковник был хорошим ракетчиком. И, как любой грамотный профессионал, находящийся сейчас в помещении КП, прекрасно понимал, что произойдёт через тридцать секунд. Цель нанесет удар по Москве со всеми вытекающими отсюда последствиями. И дело не в том, что до удара осталось пол минуты, а время развёртывания зенитных ракетных комплексов С-300 – пять минут. Всегда кто-то есть в боевом положении, плюс эскадрильи ПВО в воздухе, плюс система стационарных ракетных комплексов, рассчитанная на перехват в атмосфере. Мы можем достать вражескую межконтинентальную баллистическую ракету на подлёте, в семидесяти – семидесяти пяти километрах от Москвы. Но ни одна из существующих на сегодняшний день ракет не способна перехватить цель, движущуюся со скоростью тысяча километров в секунду. Максимум тысячу двести – тысячу триста метров в секунду. Но не в тысячу раз больше... Неужели американцы смогли разработать и произвести такой снаряд, умудрившись сохранить всё в строжайшей тайне... Можно, конечно, испытывать призрачную надежду на то, что цель потеряет скорость, войдя в атмосферу, и у нас появится хоть самый малый шанс на перехват, но и так ясно, что она не замедлится в тысячу раз. Удара по Москве не избежать. А это значит... Полковник болезненно передёрнул плечами. Неужели война? Как всё-таки они грамотно рассчитали удар. В столице ночь, люди спят в своих домах, жертвы будут максимальными. И с этой перестройкой никто уже и не ждёт...

– ...дистанция до цели двадцать одна тысяча километров! До контакта двадцать секунд! Курс прежний...

– Товарищ полковник! – Бледный офицер связи протянул ему распечатку: – На связи Центр Управления Полётами. Со станции «МИР» сообщают, что в сторону Москвы движется крупный космический объект! ЦУП не знает, откуда он взялся, появился внезапно у самой планеты! У них паника, они постоянно запрашивают, что им делать...

– Проснулись! – Оперативный выхватил бумагу у него из рук. – Ну, хоть не ядерная война, и на том спасибо! – Он быстро пробежал глазами по строкам и внезапно замер: – Что?! Диаметр десять километров?! – Полковник рванулся к микрофонам: – Данные по размерам цели! Немедленно!

– Не могу определить ввиду высокой скорости цели! – напряжённо выкрикнул один из операторов. – Расчёт станет возможным через...

– Десять секунд до контакта! – Новый доклад заглушил его слова. – Дистанция девять тысяч километров!

– Девять секунд! – начал отсчёт оператор.

– Размеры цели мне, немедленно! – взревел Оперативный, напрямую отдавая команду частям противоракетного прикрытия произвести атаку цели на упреждение.

– Восемь секунд!

– Есть размеры! – выкрикнул один из офицеров. – Почти одиннадцать тысяч метров в поперечнике!

– Шесть секунд!

Оперативный замер в своём кресле. Вот теперь точно конец. Даже если свершится чудо и противоракеты достанут цель, для неё это будет что слону дробина. Десять километров камня врежутся в планету на скорости тысяча метров в секунду. И уже неважно, в какую именно часть страны они ударят, всё равно от неё не останется ничего. Полковник запоздало подумал, что, если бы это была американская баллистическая ракета, он, пожалуй, был бы ей сейчас рад.

– Четыре секунды! – Командный Пункт замер, словно музей восковых фигур, и голос оператора, проводившего обратный отсчёт, стал единственным признаком жизни в заполненном людьми помещении.

– Три секунды!

– Две секунды!

Неожиданно возникла пауза.

– Ничего не... – непроизвольно выдохнул оператор и тут же торопливо доложил: – Объект вошёл в атмосферу и резко потерял скорость!

– Наблюдаю разделение целей! – тут же последовал доклад с другого поста. – Цель групповая, множественн... Сотни отметок! Быстро снижается!

– Да оно же разваливается в воздухе! – вдруг воскликнул кто-то совсем не по уставу, и замерший КП было тут же взорвался целой бурей докладов.

Когда спустя пять минут стало окончательно ясно, что цель, оказавшаяся неизвестным космическим телом, предположительно полым метеоритом, состоявшим из заледенелых газов, разрушилась, войдя в атмосферу Земли, Оперативный твёрдо решил сделать сегодняшнее число вторым днём рождения для своих детей. Он устало откинулся на спинку кресла и только теперь понял, что взмок так, будто побывал под проливным дождём. Откуда-то издалека пришла мысль, что теперь он точно знает, о чём именно хотят сказать врачи, когда произносят слово «стресс». Полковник запустил руку во внутренний карман кителя, достал упаковку валидола и отправил под язык пару таблеток. Он позволил себе на несколько секунд закрыть глаза, успокаивая бешено колотящееся сердце, так и норовящее выпрыгнуть из груди. «Обошлось», – подумал Оперативный. Конечно, сейчас начнётся целая эпопея с этим метеоритом, разбор полётов и раздача оплеух. Откуда прилетел, почему сразу не заметили, из-за чего потом были не готовы, куда упал, из чего состоял, что после себя оставил, как и благодаря чему произошло столь фантастическое падение скорости, спасшее жизни половине планеты, и черт знает сколько ещё вопросов. После этих разборов запросто можно стать генералом или подполковником. Но сейчас полковника всё это не интересовало. Потом. Всё потом. А сейчас он выделит себе время на отдых. Немного. Всего лишь Короткие сорок секунд. Совсем чуть-чуть. Это ведь ничто по сравнению с тем, как мучительно долго длятся Бесконечные сорок секунд.

– Что такое, Черныш, чем ты так недоволен? – Старик снял с руки толстенную шубную рукавицу на заячьем меху и ласково потрепал загривок поскуливавшего пса. – Не выспался, что ль, старый лежебока?

Чёрная, как антрацит, сибирская лайка, поджав переднюю лапу, жалобно прижалась к человеку и вновь тихонько заскулила. Петрович поправил висящую за спиной древнюю двустволку и, кряхтя, опустился на корточки рядом с собакой.

– Ну, дружище, что с тобой? – Старик заботливо гладил пса по голове, пытаясь успокоить. – С самого утра сам не свой. Капризничаешь, старая псина, прям-таки как я! – Он ласково улыбнулся лайке. – Да и то верно, с кем тебе ещё поворчать-то? Одни мы с тобой, два старика, друг у друга остались...

Пёс, словно понимая человека, коротко лизнул его в щёку. Чернышу стукнуло уже десять лет, и по своим собачьим меркам он почти ровесник Петровича, доживавшего седьмой десяток. С тех пор как

три года назад умерла жена, ближе собаки никого не осталось. Дочери давным-давно поразъехались по большим городам и вышли замуж, у них своя жизнь, в которой для старика почти не осталось места. Последний раз он видел их на похоронах, с тех пор лишь по праздникам приходили поздравительные открытки. Внуки заброшенной в глухой тайге на краю света деревенькой не интересовались, вот и выходило по всему, что стареющий Черныш и есть вся его родня. Петрович даже думать не хотел о том, что будет делать, когда верный пёс отдаст богу душу.

– Что, старый хрыч, пойдём дальше? – Старик поднялся на ноги и стряхнул снег с полы тулупа. – Нам ещё топтать и топтать, покуда все капканы не обойдём. – Он двинулся дальше через ельник, на ходу надевая варежку.

Пёс преданно поглядел на человека, повилял колечком хвоста, но с места так и не сдвинулся.

– Давай, Черныш, ищи белочку! – сказал собаке старик, оглядываясь. – А то лучше горносталя, Семён за него нам с тобой хорошо заплатит. Угля подкупим, дрожжей, сахарку, первача знатного сообразим, поставим Федьке Рыжему литрушку, он нам за это дело дровишек нарубит-натаскает, а то стар я уже колуном-то махать, не держат руки совсем... Пошли, старый, пошли, чего стоишь, аки вкопанный? Нам ещё крюк делать в добрых километров двадцать, покуда силки проверять будем!

Лайка негромко тявкнула, словно соглашаясь с аргументами Петровича, но не ступила и шагу. Наоборот, Черныш потянул носом воздух, словно ожидая чего-то, уселся на снег и вновь тихонько заскулил.

– Да что за напасть такая... – вздохнул старик, возвращаясь к собаке, – али заболел ты у меня, бедолага? Ещё давеча был сам не свой...

Черныш почти всю ночь не спал, беспокойно бродил по дому из угла в угол, часто поскуливая, постоянно подходил к постели Петровича, стаскивал с него одеяло и подолгу лизал старую морщинистую руку. Собачья бессонница быстро передалась человеку, и оба старика остаток ночи не смогли сомкнуть глаз. В конце концов Петрович не выдержал безделья и засобирился в тайгу, обходить силки и капканы, что они с Чернышом выставили третьего дня. Дорога по заснеженной тайге поначалу было успокоила собаку, но едва забрезжил рассвет, как Черныш вновь забеспокоился. И вот теперь пёс вообще не желает двигаться с места. Эка незадача...

– Чернышка, родимый, что с тобой? – Петрович склонился над скулящей собакой. – Почто уселся...

Внезапно пёс поджал хвост, прижал уши к голове и, заскулив ещё сильнее, лёг наземь, вжимаясь в глубокий снег. Старик, пытаясь проследить исполненный страха взгляд собаки, поднял голову и посмотрел в предрассветное небо. В первую секунду старческие глаза не заметили ничего, и Петрович, испустив ещё один тяжёлый вздох, перевёл взгляд на затравленного Черныша. Но уже в следующий миг небо над ними резко просветлело, и старик торопливо вскинул голову.

– Мать честная! – вырвалось у Петровича.

С неба, стремительно приближаясь, спускался огромный огненный шар, оставляя за собой в воздухе недлинный пылающий след. Свет от его пламени осветил окрестности на многие километры вокруг, из-за чего стоящие вокруг ели приняли зловещий бордовый оттенок. Падающий с неба шар спускался в полнейшей тишине, с каждой секундой увеличиваясь в размерах, но старику показалось, что он слышит, как гудит окутывающее его пламя.

– Так вот чего ты так струхнул, Чернышка! – Петрович опустился на снег рядом с собакой и заботливо потрепал вжавшегося в землю пса. – Не робей, дружище, это ж запчасти от ракеты сыплются, не иначе опять в Плесецке чего-то запустили. Не бойся, старый, чай, не впервой!

Старик проследил взглядом за падающим шаром:

– Аккурат в болото за ельником вдарит, – хмыкнул Петрович, – снова учёных туча поналетит на вертолетах, и снова ничего не отыщут. Глубокое болото. Иди-ка сюда. – Он улёгся на снег рядом с собакой. – Тряханёт сейчас сильно. Уж больно она большая, зараза!

Петрович прижал к себе скулящего Черныша и замер в ожидании удара. Огромный, клубящийся огнём шар всё так же бесшумно скользнул за верхушки елей, но ни взрыва, ни землетрясения, ни даже просто хруста ломающейся ледяной корки или чавканья полузамерзшей болотной жижи так и не последовало. Старик подождал ещё немного и приподнялся, прислушиваясь. Из-за ельника, со стороны болота, доносилось негромкое шипение. Петрович встал на ноги и всмотрелся вдаль. Там, за ельником, из-за верхушек деревьев, в воздух поднимался гигантский столб пара, распугивая стайки птиц, поспешно разлетающихся во все стороны подальше отсюда.

– Чудно! – пожал плечами старик, обращаясь к собаке. – Такая здоровенная была эта ракета, а ведь совсем неслышно упала. Не иначе как военная! – Петрович со знанием дела покивал головой. – Я тебе говорю! Это наши испытывают бесшумные ракеты, специально чтобы супостата врасплох застать. Потому мы и не слышали ни звука! – Он довольно крикнул. – Аккурат военная, как пить дать!

Вжавшийся в землю Черныш посмотрел на хозяина и вновь жалобно заскулил. Петрович хотел было успокоить собаку, как вдруг до его ушей донёсся слабый свист. Звук постепенно нарастал, пробиваясь через опущенные уши добротной охотничьей шапки-ушанки, и что-то в том звуке угадывалось для старика давно забытое, но очень знакомое. Он снял ушанку, чтобы прислушаться, и в ту же секунду старые воспоминания яркой вспышкой озарили память. Прохоровка, сорок третий, приближающиеся цепи автоматчиков, прячущихся за квадратные танки с белыми крестами на серой броне, развороченный дот с дымящимся от перегрева пулемётом, зловещие тени шестёрки Ю-88, пронёсшейся в небе, истошный крик: «Воздух!!! Юнкеры!!!» и заглушающий всё вокруг пронзительный визг отчаянно рвущихся к земле авиабомб...

Старик поднял голову вверх так быстро, что захрустел артрит в шейных позвонках. В небе, со всех сторон, насколько хватало глаз, пылающим дождём сверкали кроваво-огненные метеориты. Эти исполинские капли, как бомбовый удар перед наступлением противника, с до боли знакомым визгом неслись к земле.

– Ядрить твою налево! – выдохнул Петрович, сгребая в охапку Черныша.

Мгновенно вскипевший в крови фронтальной рефлекс бросил старика в сторону, под торчащие корневища ближайшего дерева. В следующий миг огненный дождь с кровожадным воем ударил по заснеженной тайге. От множества оглушительных взрывов в голове Петровича стоял непрерывный звон, земля то и дело подпрыгивала вместе с ним, содрогаясь от очередного удара, всё вокруг трещало, хрустело и лопалось, обдавая старика и прижавшегося к нему пса фонтанами снега, древесной щепы и земляных комков. Как тогда, во время фронтовых бомбёжек, Петрович потерял счёт времени, не в силах понять, сколько он пролежал под рвущими ельник ударами, пять минут или пять часов. Очнулся он, почувствовав, как что-то мокрое и шершавое елозило у него по лицу. Старик открыл глаза.

– Хватит, хватит! – Петрович отстранил от себя Черныша, добросовестно вылизывающего ему лицо. – Живой я! – Однако пёс не унимался. – Да живой, кому говорю! Ишь, всего облизывал, санинструктор! Сейчас ледяной коркой покроюсь! – Старик несильно оттолкнул собаку, потом ухватился за обломок корневища и с трудом уселся на снег.

При виде хозяина, пришедшего в себя, Черныш радостно взвизгнул и закрутился, высоко подпрыгивая, словно годовалый щенок. Петрович огляделся. Весь близлежащий лес был нещадно изломан и перепахан – повсюду торчали обломанные стволы, валялись обожжённые кроны, ещё недавно чистый и белый снег превратился в грязно-серое снежно-земляное крошево, однако пожаров нигде не было. Вместо огня из многочисленных воронок поднимались столбы густого пара, с

шипением тающего в морозном воздухе. Старик по-фронтальному привычно осмотрел себя и, не найдя повреждений, поднялся на ноги.

– Да, дела... – протянул он, обращаясь к собаке, – что же это было-то, а? Попали мы с тобой, Черныш, под старость лет в переделку, словно хвост в рукомойник! Хорошо хоть, обошлось. Ты как сам-то? Цел?

Пёс снова довольно подпрыгнул и отрывисто гавкнул, сообщая хозяину, что цел и невредим.

– Тогда пошли-ка домой, подобру-поздорову, – постановил Петрович, – пока ещё чего не вышло.

Сопровождаемый собакой старик, обходя воронки и рухнувшие деревья, направился в сторону деревни, на ходу обсуждая произошедшее.

– Это, Черныш, был метеоритный дождь, – объяснял псу Петрович, – точно тебе говорю. Метеоритный! Из самого космоса пришёл, как пить дать! Я вот что думаю, Чернышка, это его той ракетой притянуло, что аккурат перед ним упала. Та самая, секретная бесшумная ракета. Понимаешь?

Счастливый пёс утвердительно гавкнул, давая понять, что понимает.

– Ни черта ты не понимаешь, пёсий ты сын! – добродушно улыбнулся старик. – Где уж тебе с твоими-то собачьими мозгами. Так что слушай меня! Я так понимаю, что дождь этот метеоритный неспроста за ракетой пошёл. Специально это было сделано. Оружие такое, секретное. Сначала ракета бесшумная к супостату прилетает, а потом за ней огненным дождем противника-то и накрывает! Понял, мохнатая твоя башка? Испытания это были, вот что! И то правда, места у нас тут глухие, кто ж там, в Генеральном Штабе, мог знать, что мы с тобой, два старика неспящих, попрёмся сюда ни свет ни заря? Потому и попали под самую что ни на есть бомбёжку...

Петрович некоторое время объяснял Чернышу суть происходящего, как вдруг пёс рванулся в подлесок и разразился оттуда звонким лаем.

– Чего это ты разорался, старый дуралей? – Старик, кряхтя, пролез за собакой сквозь густую растительность. – Это ещё что за хреновина?!

Он остановился, разглядывая собачью находку. Посреди подлеска обнаружилась небольшая поляна, покрытая чистым снегом. Прямо на ней лежал полупрозрачный каплевидный камень размером с мешок картошки. Гладкая бордовая поверхность словно светилась изнутри, при этом не освещая ничего и не излучая света, но Петрович мог поклясться, что камень светится. И пусть света от него никакого, достаточно было просто посмотреть на него, чтобы стало ясно – он светится. Черныш, весело виляя хвостом, принялся к камню, то поглядывая на хозяина, то принимаясь рыть под камень подкоп. Старик подошёл ближе.

– Дела... – изрёк он, присматриваясь к находке.

Диковинный камень, судя по размерам, должен был весить не меньше центнера, однако он даже не примял под собою снег. Не может же он висеть в воздухе?! Петрович снял со спины двустволку и осторожно толкнул камень прикладом. Камень не шелохнулся. Тяжёлый, паразит. Тогда почему ж он на снегу лежит так, словно из ваты? Старик посмотрел на пса. Черныш деловито рыл снег вокруг камня, время от времени задевая лапами идеально гладкую бордовую поверхность. По всему выходило, что камень этот не опасный... Петрович коснулся его рукой и тут же отпрянул назад от неожиданности. Даже через толстую варежку он почувствовал, что камень горячий. Не обжигающий, но именно горячий, градусов, эдак, в шестьдесят. Старик опустил на колени и прищурился, тщательно всматриваясь в снег под гладкой горячей поверхностью. Снег не таял. Петрович протёр глаза и присмотрелся ещё раз, но результат был тот же: горячий камень весом в добрый центнер лежал на снегу, но снег под ним не приминался и не таял. Тогда старик упёрся в землю ногами, в камень руками и постарался столкнуть бордовую каплю с места. Сначала камень не поддавался, но в

следующий миг вдруг неожиданно легко сдвинулся с места. Черныш довольно залаял, мол, всего-то и дел было, что поднажать как следует.

– Знаешь что, Чернышка? – многозначительно изрёк Петрович, толкая вперёд ставший вдруг совсем не тяжёлым камень. – А возмём-ка мы эту космическую метеоритную диковину с собой! Глядишь, пригодится в хозяйстве. Эвон, вместо грелки будет нам с тобой. Пожару-то от него никакого! Да и вещица красивая, будет глаз радовать. Правда, тащить его теперь десять километров... Ну да ничего, и не такое мы с тобой таскали.

Старик сбросил с плеч рюкзак, отвязал от него короткие широкие охотничьи лыжи, достал верёвку и присел перед камнем, прикидывая, как получше приладить их к диковинной находке.

Облачённый в неуклюжий скафандр человек отделился от длинной цепи затянутых в ОЗК солдат, обшаривающих анализаторами дозиметрических приборов каждый миллиметр покорёженной тайги, и неловко побрёл к небольшой расчищенной площадке посреди леса. То и дело спотыкаясь о заснеженные обломки веток и деревьев, густо усеивающих землю, ученый старательно обходил даже небольшие выемки, опасаясь провалиться в одну из многочисленных воронок, засыпанных прошедшим ночью снегопадом. Добравшись до площадки, в центре которой была разбита надувная гермопалатка из прозрачного двуслойного полимера, он потопал ногами, стряхивая снег с ботинок скафандра, и, немного пригнувшись, вошёл внутрь.

Посреди палатки, вокруг сдвинутых друг к другу передвижных стоек с многочисленным научным оборудованием, сгрудились несколько человек в таких же, как он, неуклюжих скафандрах, взгляды которых были прикованы к дисплеям всевозможных счетчиков, измерителей, осциллографов, потенциометров и прочих датчиков, густо рябящих строками сложных научных данных. Вошедший мельком покосился на обилие индикаторных стрелок, диаграмм, цифр и синусоид, после чего неловко поднял руки к голове и стащил с неё объёмистый шлем скафандра.

– Не преждевременно ли, Леонид Валерьевич? – нахмурился кто-то из присутствующих. – Первичный анализ данных ещё не закончен...

– Ерунда, – отмахнулся тот, – мы здесь уже шесть часов, и ещё к полудню было ясно, что опасности нет. – Он помолчал немного и добавил: – По крайней мере, такой, от которой могут защитить эти скафандры. Военные обшарили уже десять квадратных километров, счётчики Гейгера показывают норму, ни химической, ни бактериологической угрозы также не обнаружено. Если метеорит и принёс сюда что-то ещё, то мы этого ещё не нашли.

Он подошёл к коллегам и наскоро просмотрел несколько перфолент с графическими данными, лениво выползающих из недр приборов.

– Что у вас, Николай Семёнович? – Учёный взглянул на коллегу. – Есть новости?

– По-прежнему ничего конкретного, – развёл руками тот учёный, что предостерегал его от преждевременной разгерметизации скафандра, – но есть некоторые любопытные странности.

– Сейсмическая активность? – предположил вошедший.

– Нет, она в норме, – Николай Семёнович отрицательно кивнул, – сообщения местных геологических станций не подтвердились. Если тут что-то и происходило, оно закончилось до нашего прибытия.

– Что ж, мы этого ожидали, – невесело поморщился человек без шлема, приглаживая рукой седую шевелюру, – крайне печально, что на организацию экспедиции было потрачено столь непростительно много времени...

Он вздохнул. В кои-то веки науке выпала уникальная возможность изучить редчайший феномен – падение колоссального газового метеорита, под действием запредельно низких температур космического вакуума кристаллизовавшегося в пузырчатое твёрдое тело, а на сбор и подготовку экспедиции не оказывается средств! Ему, академику Лаврентьеву, пришлось лично бегать по высоким

кабинетам, буквально вымаливая деньги на экспедицию. Но поистине фантастическая перспектива возможных открытий, быть может, обновления состава таблицы Менделеева, а то и переосмысления старых представлений об устройстве Солнечной системы, галактики или даже Вселенной, в буквальном смысле свалившаяся с неба прямо в руки, абсолютно не интересовала чиновников. В стране творится чёрт знает что, и московские номенклатурщики озабочены только одним: как урвать себе кусок побольше в начинающейся неразберихе. СССР трещит по швам, и высшим бюрократам наплевать на науку. Лаврентьев гневно достучался практически до самого верха, и только после этого на организацию экспедиции были выделены средства, да и то на треть меньше затребованных.

В результате время было упущено. Станции нефтепромыслов, ближе всего расположенные к району падения метеорита, почти сутки сообщали о регистрируемых сейсмодатчиками слабых колебаниях земной коры, из близлежащих посёлков приходили сведения о поистине феноменальном схождении метеоритного дождя, сопровождавшего разрушение метеорита при входе в атмосферу, и последующих за этим огромных выбросах струй пара из мест падения его осколков. Но пока экспедиция оформляла бюрократические бумаги, закупала и получала снаряжение и транспорт, утрясала формальности со взаимодействием с местными органами власти и армией, а потом ещё добиралась к месту событий, всякая активность в районе падения прекратилась. Ко всему прочему, накануне их прибытия прошёл сильнейший снегопад, и результативность поисков вообще свелась к нулю. Изувеченная бомбардировкой тайга в радиусе пятидесяти километров – вот и все, что пока удалось обнаружить. В тех нескольких воронках, что пока удалось разыскать под сильнейшими завалами, засыпанными толщей свежего снега, не было найдено абсолютно ничего. Конечно, уже само по себе это было определённым результатом. Пробы почвы из воронок в срочном порядке уже готовили к отправке в Москву, где их подвергнут доскональному изучению, но самого главного – явных частиц упавшего метеорита пока отыскать не удалось. И рассказы местных жителей ещё больше ввергали учёных в уныние. Те немногие очевидцы падения именно метеоритного ядра, что не спали в то утро, все как один указывали, что рухнул он точно в центр одного из таёжных болот, которых в этих местах десятки. Болото экспедиция нашла, но толка от этого не прибавилось, от метеорита не осталось и следа, а осушить болото не представлялось возможным.

– Так что же мы имеем? – Лаврентьев вопросительно посмотрел на коллегу.

– Взгляните на показания осциллографа, – кивнул тот, указывая на прибор.

– Хм... – нахмурился академик, – что за ересь... Возможно, прибор раскалиброван?

– Нет, – возразил Николай Семёнович, – остальные ведут себя так же. К тому же я лично проводил калибровку перед выездом из Ухты. – Он протянул руку к соседней приборной стойке: – И вот ещё компасы. Весьма любопытно.

Лаврентьев перевёл взгляд на две стоящие рядом тяжёлые экранированные консоли со встроенными буссолями, геодезическими уровнями, сейсмодатчиками и компасами. Стрелки их компасов указывали прямо противоположные друг другу направления.

– Любопытно! – просветлел академик. – Значит, всё-таки какая-то аномалия тут есть! Когда это началось?

– Невозможно определить, – покачал головой ученый, – дело в том, что это происходит с компасами не всегда. Они-то работают исправно, то начинают показывать чушь, причём не всегда оба, зачастую шалит только один из них, причём всегда разный. И отклонения выдаются тоже различные, без какой-либо упорядоченности. И это – единственное, что вызывает интерес. Никаких других аномалий или отклонений в этом районе нет.

– Значит, мы их ещё не нашли! – В глазах Лаврентьева уже пылало пламя полубезумного научного энтузиазма. – Здесь что-то есть, Николай Семёнович, а раз есть, то я обязательно это разыщу!

Он энергичным шагом подошёл к одному из ассистентов и потребовал освободить себя от скафандра. Едва избавившись от неуклюжего одеяния, академик энергично потёр руки и устремился к стоящему в углу палатки небольшому походному письменному столу. Усевшись на раскладной стул, Лаврентьев выхватил из рук подоспевшего помощника ручку и бумагу и принялся писать.

– Николай Семёнович, голубчик, – заявил он, не отрываясь от написания, – вы сегодня же выезжаете вместе с образцами в город. Полетите в Москву и отвезёте в Академию наук моё письмо. Необходимо проведение гораздо более тщательного исследования этих мест! Я остаюсь здесь и завтра же займусь болотом. И если мне удастся найти в этом хоть малейший смысл, я буду требовать его полного осушения! А пока вся надежда на военных. Благо к нашему везению тут неподалеку расположен строительный батальон, оснащенный всем необходимым для поисков. Будем искать кратеры от падения метеоритного потока! Что-то должно было остаться, не могло же испариться все без исключения!

Академик некоторое время излагал свои планы, размахисто черкая ручкой по бумаге, после чего велел помощнику запечатать письмо, позволил ассистенту надеть на себя меховую куртку и шапку и выскочил из палатки, на ходу подзывая к себе ближайшего из солдат:

– Молодой человек! Да, да, вы! Будьте любезны, подойдите-ка сюда! – Лаврентьев пошарил вокруг взглядом, но затянутые в ОЗК военные были все на одно лицо.

– Рядовой Сомов! – прогундосил через противогаз солдат, отдавая ему честь.

– Вот что, товарищ Сомов. – Академик вздрогнул от порыва ветра и накинул поверх шапки капюшон от куртки. – Отыщите мне Виктора Степановича, майора Лученко! Скажите, академик Лаврентьев хочет его видеть.

– Есть! – козырнул солдат и развернулся.

– Да, голубчик! – окликнул его седой академик. – Скажите Виктору Степановичу, что противогазы можно снять.

– Копай-копай, салага! – Грозный голос нависшего над ямой сержанта подстегнул хилого юношу в погонах рядового к решительным действиям. – Команды «Перерыв» не было!

– Да сколько ещё можно копать-то? – Рядовой обречённо вонзил лопату в землю. – Нету здесь ничего, уже на метр воронку заглубил! – Он с опаской покосился на смуглого мускулистого командира. – Товарищ сержант, может, другую поискать?

– Может, и другую... – задумался сержант, оценивая объём произведённых раскопок, – давай ещё полметра, а там посмотрим.

Рядовой понуро кивнул, взмахнул лопатой, снова воткнул её в землю и остановился, тыкая ею в дно ямы, словно щупом.

– Кажись, есть что-то... – неуверенно произнёс он.

– Опять корневища? – Отошедший было сержант вновь навис над краем разрытой воронки.

– Не похоже, – ответил рядовой, – уж больно твёрдое...

Он принялся орудовать лопатой и спустя минуту извлёк из земли оплавленный камень размером с кулак.

– Вот, ещё один, – доложил рядовой.

– Молодец, Зыков! – похвалил его сержант. – Получишь благодарность от начальства! Давай его сюда. – Он протянул руку.

– Солить мне, что ли, эти благодарности? – пробурчал рядовой, передавая камень. – Уже десяток накопился. Лучше б отпуск дали, домой хоть сгонять...

– Разговорчики! – одёрнул его сержант. – Ишь, размечтался! Отпуск ему подавай. Вот отслужишь год, тогда и поедешь. – Он забрал из рук рядового находку. – Давай, вылазь. Пять минут перерыв, заслужил.

Сержант подошёл к лежащему на поляне вещмешку и бросил туда камень.

– Липкая дрянь, – поморщился он, глядя на абсолютно сухую ладонь, – и как это они липнут, если сухие и твёрдые... – Он затянул ремни вещмешка, на дне которого уже болтались три откопанных метеорита, и окинул взглядом подчинённых.

Его отделение лениво раскапывало старые воронки, оставшиеся от прошедшего в этих местах полгода назад метеоритного дождя. Сержант с иронией покачал головой. Армейский дебилизм, да и только. На кой сдались начальству эти камни? Пол батальона шестой месяц слоняется по тайге в поисках метеоритов. Они что, и вправду думают, что сотня бойцов с лопатами может перерыть территорию в пятьдесят километров в поперечнике?! Конечно, как гласит армейская мудрость: «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор», но этих дыр в земле, их тут тысячи, если не десятки тысяч. Хорошо ещё, что хоть сама задача примитивная, ничего толком объяснять бойцам не надо. А то у него в отделении по-русски хорошо понимает один только Зыков, произнося фамилии остальных, сержант до сих пор боится язык сломать. И в остальных ротах не лучше, стройбат ведь, что с него взять... Сержант посмотрел на часы и, набрав в грудь воздуха, зычно произнёс:

– Отделение! Слушай мою команду! Перерыв! Выходи строиться на обед! – Даже сама мысль о построении на обед восьми человек посреди тайги не вызвала у него улыбки. Этим балбесов надо пересчитывать каждые полчаса, не то попросту заблудятся в трёх ёлках, дети песков, блин...

Вымазанные в земле бойцы вылезли из ям, выстраиваясь в неровную шеренгу, и сержант, убедившись в наличии всех людей, приказал приступить к разогреву сухого пайка. Он уселся на поваленное дерево и достал из своего вещмешка консервную банку и с минуту возился, вскрывая её штык-ножом. Затем он достал армейскую алюминиевую ложку и принялся за обед, внимательно следя за действиями подчинённых. «За этими баранами глаз да глаз нужен. Ещё не хватало, чтобы какой-нибудь Джуманиязов разогрел вместе с банкой тушёнки половину окрестной тайги. Кстати, где он?» – Сержант окинул взглядом людей и, устало вздохнув, поднялся на ноги.

– Джуманиязов! – крикнул он тоном, не предвещающим будущему аксакалу ничего хорошего. – Джуманиязов!!! Ты куда делся, придурок?! – Ответа не последовало, и сержант повысил голос: – Джуманиязов!!!

«Придётся искать, – скривился сержант, – дальше орать – себе дороже. Вся рота роет воронки в этой округе, и ротный слоняется туда-сюда между отделениями, проверяя ход работ. Если услышит и поймёт, что пропал боец, сержанту несдобровать. Это конкретный залёт. Со взводным ещё можно договориться, а с командиром роты бесполезно, узнает – и уходит сержанту на дембель самым последним. Ну, Джуманиязов, ты попал! Найду, точно фанеру тебе проломлю!» – Сержант тихо выругался и посмотрел на подчинённых:

– Назыров! Остаёшься за старшего. Всем сидеть тут и ждать! Если до моего прихода кто сдвинется с места – придушу! Зыков! Со мной пойдёшь! Резко вскочил и побежал! – Сержант угрюмо направился в сторону ближайших деревьев: – Не слышу ответа по уставу, Зыков!

– Есть, товарищ сержант! – проямлил рядовой, торопливо догоняя своего командира. – А куда пойдём искать-то?

– Прямо! – огрызнулся сержант. – Далек этот дебил уйти не мог. Наверняка залез за дерево и харю мочит, скотина. Найду – убью!

Зыков благоразумно предпочёл промолчать, и некоторое время они молча прочёсывали изломанную берёзовую рощицу, углубляясь все дальше. Джуманиязова нигде не было. Спустя полчаса поисков

сержантская злоба окончательно сменилась испугом. Если Джуманиязов не найдётся вообще, один Аллах знает, что с ним сделает начальство. Он спешно пытался вспомнить, что говорил ротный на инструктаже по поводу диких зверей в этой местности.

– Зыков! – окликнул сержант бредущего в десяти шагах рядового. – Может, его медведь сожрал? Ты инструктаж помнишь? Что там про них говорили?

– Нет, – покачал головой тот, – капитан сказал, что медведей тут нет. Вроде один живёт километрах в тридцати и сюда никогда не ходит. Да и не отправили бы нас эту дрянь копать, если б тут медведи бродили. А если задерут кого-нибудь? Офицерам на полжизни садиться не хочется...

Короткий крик прервал его на полуслове.

– Тихо! – махнул рукой сержант. Оба бойца замерли, прислушиваясь. Спустя пару мгновений крик повторился вновь. – Джуманиязов!!! Это ты?!!

Джуманиязов орал истошно, но его вопли звучали глухо и негромко, словно издалека.

– Он что, из-под земли орёт, что ли? – произнёс сержант, растерянно оглядываясь по сторонам. – Джуманиязов!!! Где ты?!!

– Может, он в воронку провалился? – предположил Зыков. – Товарищ сержант, помните, те учёные рассказывали, что должны быть очень крупные воронки от метеоритов, которые надо искать? Может, он и нашёл...

В этот момент глухой вопль повторился вновь, на этот раз уже ближе.

– Туда! – Сержант устремился на звук. – Джуманиязов!!! Мы здесь!!!

Крики уже не прекращались, Джуманиязов истошно вопил, крики звучали глухо, но потерявшийся явно был совсем недалеко. Бойцы, перепрыгивая через обломки деревьев и груды валежника, преодолели метров двадцать леса, как вдруг крик зазвенел громко и отчетливо. Спустя несколько секунд впереди, из-за кустов и деревьев, выскочил Джуманиязов с перекошенной от ужаса физиономией и, не разбирая дороги, рванулся куда глаза глядят, словно не замечая бегущего ему навстречу сержанта. При этом он обхватил одну руку другой, прижимая её к животу, и продолжал истошно орать.

– Зыков! Лови его! – закричал сержант, пытаясь схватить проносящегося мимо Джуманиязова, но не успел.

Оба бойца бросились догонять убегающего. Через десяток шагов Джуманиязов запнулся об обломок дерева и кубарем полетел наземь. Упав, он перестал орать и, судорожно извиваясь, пополз, не разбирая дороги, пока не уткнулся в вывороченную с корнем берёзу и замер. Первым до него добрался Зыков. Он склонился над свернувшимся в клубок беглецом, пытаясь выяснить, что произошло:

– Джуманиязов! Что с тобой?! – Зыков затряс его за плечи.

В этот момент рядом с ними оказался сержант.

– Джуманиязов, дебил, тупая скотина! Ты где был, придурок?! – Он с размаху заехал лежащему сапогом. – Убью козла! – Последовал второй удар.

– Он не слышит ни фиги! – Зыков отвернулся от Джуманиязова. – У него кровь! С рукой что-то, не могу понять, вцепился в неё намертво! – Солдат снова склонился над лежащим и вдруг резко отпрянул назад: – Охренеть! – Зыков испуганно посмотрел на сержанта. – У него половины ладони нет!словно бензопилой отхватило!

И действительно, скрючившийся Джуманиязов вдавил себе в живот кровоточащий огрызок ладони и не реагировал ни на окрики, ни на удары. Он лежал, закатив глаза, и, безумно сверкая белками, непрерывно бормотал что-то невразумительное исполненным панического ужаса голосом.

– Т-товарищ сержант, что он говорит? – промямлил Зыков. – Я кроме слова «шайтан» ничего не понимаю...

– Откуда я знаю?! – Сержант влепил Зыкову оплеуху. – Я тебе что, туркмен, ты, урод?

Зыков втянул голову в плечи, и сержант зло обшарил Джуманиязова взглядом:

– Руку порвал, ремня нет, фляги нет... ротный устроит мне полный звиздец! Аллахом клянусь, если из-за этого козла мне задержат дембель, я ему башку зубами отгрызу! – Он встал на ноги и ещё раз пнул лежащего Джуманиязова, вымещая зло.

– Что делать будем? – Зыков был бледен, как полотно. – Сами его потащим или на помощь позовём?

– Сначала пошли посмотрим, откуда он прибежал, – немного подумав, ответил сержант, – может, ремень с флягой подберём, хоть не так сильно попадёт от ротного.

– А как же Джуманиязов? – опешил Зыков.

– Да куда он денется? – сплюнул сержант. – Пусть валяется пока тут, слизняк позорный...

Они принялись обшаривать кусты и валежник в поисках потерянного снаряжения, бродя от дерева к дереву, но уже через двадцать метров изломанная рощица неожиданно закончилась густым кустарником, выходящим на довольно большое болото.

– Это он там, что ли, был? – Зыков вытаращил глаза не хуже Джуманиязова, указывая пальцем на представшую их взглядам картину.

Посреди болота, почти полностью утопая в нём, лежал огромный, непонятной формы камень размерами не меньше рухнувшей плашмя десятиэтажки. Сходства добавляло обилие зияющих темнотой дыр, усеивавшее поверхность камня, словно разбитые окна на стене опрокинувшегося здания. Верхняя кромка этой громадины неровно торчала из болота, где-то едва высываясь из грязной синей жижи, а где-то выпирая из неё на несколько метров. У самого берега болота в камне чернела пещера высотой с человеческий рост, от которой к берегу вели отпечатки следов армейских сапог. Приглядевшись, несложно было заметить на окружающем следы кочкарнике капли крови.

– Ни хрена себе... – выдохнул сержант.

С минуту оба молча смотрели на изъеденную дырами громадину, утопающую в болоте, потом Зыков, осторожно придвинувшись к сержанту, тихо сказал, не сводя глаз с неестественно синей болотной жижи:

– Т-товарищ с-сержант... это его, Джуманиязова, следы... вон и кровь... Здесь он был. – Рядовой попятился ещё сильнее, стараясь оказаться поближе к сержанту. – Эта дура в болоте, это же метеорит! Мы выкапываем точно такие же, только маленькие! – Зыков обернулся к сержанту и уже не по уставу зашептал: – Ильдар, слушай, не надо никому рассказывать, что мы видели эту хреновину! Нас же сюда и пошлют первым делом, выкапывать всё это! Не доброе тут место, задницей чую! Не дай бог, попадём в передрагу, как Джуманиязов! Вон, гляди, болото вокруг камня синее стало... В гробу я видал сюда лезть, а, Ильдар?!

– Агрх! – выругался сержант и резко шлёпнул себя рукою по щеке. – Что за дерьмо? – Он, сморщившись, разглядывал размазанное ударом по ладони синее склизкое существо размером с ноготь, не то маленькую круглую пиявку, не то большого плоского клопа без лапок. – Дрянь, блин! – Он брезгливо вытер руку о штанину и почесал зудящее место укуса.

– Пойдём отсюда, а? – с дрожью в голосе спросил Зыков.

– Дело говоришь, – согласился сержант, – валим отсюда. Мы ничего не видели. Джуманиязов сам прибежал с покоцанной рукой, что он там рассказывает – всё неправда. Наверное, головой ударился, помоги ему Аллах! Мы ничего не знаем!

Солдаты, не сговариваясь, развернулись и торопливо поспешили обратно в лес.

Немолодой грузный офицер без кителя и галстука, с расстёгнутым воротом форменной рубахи, из-под которого виднелась гражданская майка, сидел за старым обшарпанным письменным столом в своём кабинете и пил чай из огромной фаянсовой кружки. Рядом на столе лежал открытый

полиэтиленовый пакет с печеньем из местного «Военторга». Офицер посмотрел на часы. Ну, где доклад? Поесть по-человечески невозможно, одни идиоты кругом! Снова на смене наряда дежурные по части принимают друг у друга недостатки, болваны. Не принимать их надо, а устранять! А то списки растут из месяца в месяц, скоро книги приёма-сдачи дежурств придётся менять, а толку никакого. Вот скоро он лично доберётся до них, тогда пенять будут сами на себя! Если бы не эти учёные со своими метеоритами, он уже давно бы навёл в части порядок! А так руки не доходят, тайгу вскапывать надо, приказ командующего округом. Видите ли, дело крайней научной важности! Ну так пусть учёные сами и роют, раз дело научной важности! Так ведь нет же, сидят себе преспокойненько в Москве и прилетают раз в квартал с проверкой. Хорошо быть учёным в стране советской! Восседаешь в шикарном столичном кабинете, за тебя где-то в забытой богом глуши стройбат роет грязь, отыскивая какой-то мусор, якобы свалившийся из космоса, а ты получаешь учёные степени, государственные награды и премии! Я бы так жил! Он вновь недовольно посмотрел на часы и протянул руку к пакету. Однако в этот момент в дверь постучали, и офицер с сожалением отставил кружку в сторону.

– Разрешите войти, товарищ майор? – В приоткрывшуюся дверь заглянул один из офицеров части.

– Разрешаю! – ответил он, отодвигая пакет с печеньем.

В кабинет вошли двое офицеров, один из них держал в руках журнал приёма-сдачи дежурств.

– Товарищ майор, капитан Загнидзе дежурство по части сдал! – доложил первый.

– Старший лейтенант Курляндский дежурство по части принял! – подхватил второй.

Майор молча протянул руку, забрал журнал приёма-сдачи, некоторое время изучал записи и принялся распекать подчинённых.

– Почему запись о наличии на складе объекта «М» вчерашняя? – Командир части переводил взгляд с одного офицера на другого. – Не понял! Что, за весь день не нашли ни одного булжника?

– Товарищ майор, начсклада отсутствует по болезни, некому сводку давать... – доложил старый дежурный, – сегодня после обеда ушёл в санчасть, ещё не вернулся, я дважды за ним бойца посылал.

– И что значит «пропали Лом и Ярик»? – Комбат недовольно поморщился. – Вы что, на солнце перегрелись, что ли?

– Виноват, товарищ майор! – вытянулся новый дежурный по части. – Я так записал, не знал, как зафиксировать... Это клички собак с подсобного хозяйства.

– Тоже с цепей сорвались? – нахмурился майор, вчитываясь в журнал.

– Так точно, – ответил старый дежурный, – ещё вчера. До сих пор не появились. И там ещё... – он немного замаялся, – там ещё две чушки пропали, товарищ майор. Я думал, может, бойцы украли да забили на шашлык, отправлял людей на поиски. Всю часть перевернули, и даже близлежащий лес прочесали, но никаких следов. Странно это как-то. У нас девяносто процентов личного состава родом из мусульманских республик. Им по религии свинину есть не положено. Они скорее собак бы съели, а тут – чушки пропали... И начсвинарника говорит, что свиньи вторые сутки ведут себя беспокойно...

– Отлично! – подытожил комбат. – Просто лучше и быть не может! За три дня пропадает шесть собак, теперь свиньи сбегать начали. У нас тут, конечно, стройбат, но хочу напомнить вам, товарищи офицеры, если вдруг кто-то из вас запамятовал, что военно-строительные войска являются частью Вооруженных Сил. Это воинская часть, а не дом открытых дверей!

Майор гневно ткнул книгу приёма-сдачи в руки новому дежурному:

– Замполита и Зампотыла ко мне! – И, обернувшись к старому дежурному, сурово добавил: – Рапорт мне обо всех пропажах через полчаса! Подробный! И объяснительную от начальника подсобного хозяйства! Свободны!

Офицеры козырнули и торопливо покинули кабинет комбата. Майор потянулся за кружкой. Бардак да и только. Нужны ежовые рукавицы, чтобы навести в части порядок, но возиться со всем этим

комбату было откровенно лень. За восемь лет практически безвылазного сидения в этой и богом и чертом забытой глухомани к службе у комбата выработалась крайняя степень отвращения. Какой смысл надрываться и разбиваться в лепешку, делая из стада не понимающих по-русски и двух слов дежкан более-менее результативное подразделение, если никто не оценит его усилий? Начальству всё равно наплевать на затерянный в тайге стройбат, лишь бы он там был, хотя бы на бумаге, и уже отлично. Никто не желает служить в такой заднице, от которой до ближайшего города с аж стотысячным населением добрых сто тридцать километров по убитой таёжной дороге, гарантированно преодолеть которые можно только зимой, когда замёрзнут многочисленные болота.

Эта должность для комбата была сродни пожизненному заключению. Работай, не работай – результат неизменно будет одним и тем же: будешь рулить этой задницей до пенсии, и нет ни малейшего шанса отсюда выбраться. Часть имеет хорошие показатели – отлично, командир на своём месте, пусть и дальше его занимает. Если показатели плохие – тем более пускай сидит, не дорос ещё до перевода. За долгие годы службы комбат отлично уразумел этот нехитрый принцип начальства и давно уже перестал напрягаться на службе, чтобы не усложнять себе жизнь. В отличие от СССР, его часть не разваливается, и то хорошо. Остальное не волнует командование, почему же тогда оно должно волновать его? И сентябрьское происшествие только укрепило комбата в этом мнении. Когда у рядового Джуманиязова в буквальном смысле съехала крыша и он убежал в тайгу, где его нашли с изувеченной рукой в совершенно недееспособном состоянии, что произошло? А ничего. В другом месте разразился бы грандиозный скандал, но его, комбата, лишь пожурили в короткой телефонограмме. Джуманиязова увезли в госпиталь и списали, а через пару недель о случившемся никто и не вспоминал. И не удивительно. Стройбат в глуши – какие ещё есть вопросы? Так что проявлять давно потерянный к службе интерес майор не собирался. Но вот хорошенько выдрать начальника подсобного хозяйства следует, списывать свиней столь откровенно наглым образом – это уже перебор. Если не хочет делиться, то заменить его на более сообразительного прапорщика – дело двух минут.

– Разрешите, Леонид Константинович? – Входная дверь отворилась, и на пороге показался начальник медицинской службы.

– Входите, Павел Андреевич, – разрешил майор, бросая взгляд на часы, – что-то вы сегодня припозднились.

Главный медик батальона, ещё совсем мальчишка, недавно окончил Военно-медицинскую академию. Он не прослужил в его части и двух лет, однако комбат сознательно выделял его из общей массы офицеров. Всё-таки медицина, единственный хорошо квалифицированный врач на весь батальон и заодно на добрые километры восемьдесят вокруг. Случись что непредвиденное, кроме него обратиться будет не к кому, до ближайшего госпиталя, мягко говоря, очень далеко, а учитывая творящийся в армии бардак с этой делёжкой Советского Союза, вертолёт можно и вовсе не дожидаться. Вот и получается, что пацанначмед, да местная знахарка бабка Полина из деревни Кедва и есть всё здешнее здравоохранение...

– Работы много, – ответил начмед, – к тому же я хотел переговорить с вами с глазу на глаз.

– Присаживайтесь, – комбат указал медику на стул, – я, кстати, собирался вам звонить. Что там стряслось с начальником третьего склада? Дежурный докладывает, его весь день нет на службе.

– Об этом я и хотел с вами поговорить, – начмед достал из папки лист бумаги и протянул его комбату, – вот сводка за прошедший месяц. Почти весь личный состав части жалуется на жёлтую сыпь в области живота...

– Постойте, Павел Андреевич, – остановил его комбат, – вы же говорили, что она абсолютно не вредна, не заразна и не представляет собой никаких поводов для беспокойств. Насколько я помню, вы

сами объявили это незначительной аллергической реакцией организма на непривычные климатические факторы. Разве не так?

Хоть начмед и был на особом положении, а расслабляться ему давать не стоит. Эдак он тут со своими гениальными идеями дров-то наломает. Комбат читал начмедовскую сводку и всё больше хмурился. Совсем пацан не понимает, чего творит. «Подозрение на неизвестную потенциально опасную эпидемию»... «требуется проведение широкого спектра углублённых исследований»... сбор анализов, консультации со специалистами из окружного госпиталя... отправка образцов в Ленинградскую Военно-медицинскую академию... Да уж, совсем зарাপортовался парень.

– Да, действительно, я поставил такой первичный диагноз, – подтвердил начмед, – и до сегодняшнего дня был в нём уверен, но... – Он немного замешкался.

– И что же случилось сегодня? – посмотрел на него комбат.

– Сегодня ко мне на приём пришёл прапорщик Гетманенко, начальник третьего склада. – Военный медик понизил голос и заговорил осторожно, словно опасался разгласить некую совершенно секретную информацию. – И я обнаружил у него в области живота жёлтую сыпь. Но Гетманенко служит здесь четырнадцать лет, он уроженец Сосногорска, то есть местный житель. У него не может быть аллергии ни на здешний климат, ни на воду или пищу, все это для него родное и в порядке вещей!

– Значит, сыпь всё-таки заразна? – насторожился майор.

– Нет, – замотал головой начмед, – я весь день провёл за анализом. Сыпь безвредна и от человека к человеку не передаётся. Это всего лишь жёлтые точки, не более того.

– Тогда в чём же суть такого переполоха? – Комбат помахал медицинской сводкой.

– Обнаружив сыпь на теле Гетманенко, я вновь задумался о причинах её появления, – начмед вновь полез в свою папку за какими-то бумагами, – вот, взгляните, товарищ майор...

– Я не врач, – остановил его комбат, – давайте-ка лучше в двух словах, так будет понятнее.

– Если коротко, то все бойцы, у которых обнаружилась сыпь, контактировали с объектом «М», – заявил военный медик, – я всё перепроверил. Они или сами выкапывали его из воронок, или доставляли объект «М» в распоряжение части в своих вещмешках, или просто брали его в руки при случае. У тех, кто в раскопках не участвовал, сыпь так и не появилась. А прапорщик Гетманенко постоянно имеет дело с объектом «М», ведь он хранится на его складе. В общем, я подозреваю, что сыпь есть результат воздействия на человека осколков метеорита.

– Ерунда, – отмахнулся комбат, – московские академики, для которых мы роём этот мусор, дали гарантию, что объект «М» абсолютно безвреден и вообще мертвее камня.

– Это так, – согласился начмед, – более того, я пытался изучать осколки всеми доступными мне тут небогатыми средствами. Абсолютно неживая порода, хоть и не известная. Но я чувствую, что что-то тут не так. Осколки как-то связаны с сыпью, мы просто не в состоянии этого увидеть.

– Павел Андреевич, мы с вами люди военные, а вы к тому же ещё и научный специалист, – назидательно отметил комбат, – и не мне вам объяснять, что одних только предчувствий в нашем деле недостаточно. Как вы планируете объяснить командованию, из-за чего весь сыр-бор?

– У меня есть косвенные данные, – заоправдывался начмед, – сегодня я длительное время изучал осколок и к вечеру обнаружил сыпь у себя. Но даже не это меня настораживает больше всего.

– А что же? – Комбат иронично прищурился.

– Прапорщик Гетманенко, – несколько неуверенно ответил военный медик, – он пришёл сегодня ко мне с осколком метеорита и попросил дать ему больничный на пару недель. Говорил, что устал и нуждается в психологическом отдыхе. И знаете, чем он хотел заняться в своём внеплановом отпуске? Побывать вдали от суеты цивилизации, побродить по тайге, быть может, заняться наукой, копать

метеоритные воронки и собирать объект «М». Всё время показывал мне осколок и говорил о том, какой это занимательный и любопытный предмет. Это очень странно! На обычную попытку «откосить» от службы это не похоже. Кто же будет рассказывать о красоте камня или желании побыть вдали от цивилизации! Можно подумать, что где-то тут, у нас, она есть, эта цивилизация! Это очень странно! – Начмед обеспокоенно покачал головой. – Он не расстаётся с осколком. Я подозреваю, что объект «М» в больших концентрациях способен влиять на человека... Почему вы смеётесь, Леонид Константинович?!

– Павел Андреевич. – Комбат, улыбаясь, вернул медику его бумаги. – Вы служите у нас совсем недавно и ещё не в курсе всех тонкостей фольклора военных строителей. Вот прослужите лет пять, ещё не то услышите. У нас тут такие изобретательные личности, что иногда просто диву даёшься, не в том месте актеров в кино набирают! Ради больничного и возможности забить на службу и сгонять на рыбалку вам такое расскажут, что ни один академик в Москве не слышал! И правдоподобия ради не то что с камнем, с медведем обниматься будут. И целоваться, и даже заявление в ЗАГС подадут, лишь бы не работать. Так что не забивайте себе голову, если у Гетманенко и есть какая-то болезнь, то это острое воспаление хитровидной железы. А такие недуги по моей части. Вот увидите, завтра же я его излечу, прямо после утреннего развода. Так что идите, отдохайте, Павел Андреевич, а мне ещё надо закончить ряд вопросов. И не переживайте ни о чём, вы отличный специалист, и пара-другая каких-то жёлтых точек на пузе наевшегося дикой ягоды дехканина вам не противник. Справитесь, я не сомневаюсь в вашей компетентности. Идите.

Пристыженный начмед торопливо собрал свои бумаги, четко, по уставу, козырнул, развернулся и вышел. Комбат вернулся к остывшему чаю и запустил руку в пакет с печеньем. Пацан совсем зелёный еще. Нашёл на себе какую-то мизерную болячку и поднял такой шум. Сразу эпидемию обнаружил. Да, у страха глаза велики, а местный КВН этим пользуется. Ну да ничего, начмед толковый вроде, со временем оботрется. А Гетманенко пистон под хвост получит обязательно, это ж надо было такое учудить! Наукой он собрался заняться, подальше от цивилизации! Майор тоскливо посмотрел в окно, на глухую тайгу, со всех сторон окружившую вверенную ему воинскую часть. Тоже мне, Андерсен, Ганс Христиан, блин. Ладно, завтра разберёмся.

Деревня Кедвавом, 10 километров от предположительного места падения ядра метеорита, 4 ноября 1991 года, 11 часов 15 минут.

С улицы донёсся отрывистый собачий лай, сопровождаемый скрипом калитки, и возящаяся у кипящего чугунного котла седая женщина, болезненно поморщившись, распрямила больную спину. Она отошла от старого стола, заставленного множеством разнокалиберных баночек, наполненных всевозможными порошками, перетёртыми травами и мутными жидкостями разных расцветок, обошла пару растянутых бельевых верёвок, увешанных пучками сушёных трав, цветов и кореньев, и выглянула в окно.

– Джина, фу! – раздался голос внука. – Это свои!

Десятилетний мальчуган, счищавший огромной, явно ему не по росту, деревянной лопатой снег с давно развалившегося дедовского ГАЗ-69, погрозил собаке пальцем и, обернувшись к стоящему в дверях калитки мужчине в военной форме, важно добавил:

– Здравствуйте, дядя Федя. Вы к бабушке? – Он опёрся на лопату и приложил руку козырьком ко лбу, закрывая глаза от полуденного солнца.

– Да, Валера, – ответил гость, – Полина Федосеевна дома?

– Отвар делает лечебный, – степенно объявил мальчишка, – проходите в дом, дядя Федя.

– Заболел кто или впрок колдует? – Мужчина в погонах старшего прапорщика затворил за собой калитку.

– Джина захворала, – мальчуган кивнул на лежащую возле будки собаку, – но бабушка её к обеду вылечит. Надо только отвар для заговора изготовить.

– Если Полина Федосеевна так сказала, значит, точно вылечит, – согласился гость, проходя к дому по расчищенной в снегу тропинке, – а что с забором у вас приключилось? – Он указал на свежую дыру в дощатом заборе, снег возле которой был усыпан щепой и утоптан следами копыт. – Скотина бесилась?

– Угу, – насунился мальчишка, – бычок ночью сбежал. Надо бы поискать в лесу, пока не сгинул, да бабушка не разрешает. – Маленький хозяин по-взрослому вздохнул: – А забор я поправлю сегодня, вот только с машиной закончу... – Он вновь принялся орудовать лопатой.

Старая женщина улыбнулась, глядя на внука. Работающий мужик растёт, настоящий глава семьи. У такого хозяйство всегда в порядке будет. Жаль, дед помер рано и не видит внука. Мальчонка весь в него пошел. Она направилась к двери встречать гостя. Что-то рановато Федька появился. По времени выходит, что на службе он должен быть сейчас, не иначе тоже захворал. Знахарка нахмурилась.

Недобрые времена настали в округе после того метеоритного дождя. Деревню в то утро не иначе чудом в щепки не разнесло, только пару крыш пробило, да огороды перепахало подчистую. Хорошо хоть, не зацепило никого. Но с дождём этим космическим ничего не закончилось. Невидимое зло поселилось в тайге с тех пор, и старая знахарка чувствовала, как с каждым месяцем оно набирает силу, будто готовя что-то зловещее. Но никто не желал обращать внимания на её слова, не принимая всерьёз древнюю старуху не от мира сего с её столь же древними суевериями. Нынче все образованные, все умные, всё вокруг наукой меряют... Она печально покачала головой. А что наука-то? Сперва понаехало ученых мужей несколько дюжин, прям как ото всюду набежали! И из Москвы, и из Ленинграда, и делегация какая-то научная не то из Франции, не то из Америки, все бродили по битой тайге, приборами разными по сторонам водили, воронки от метеоритов раскапывали, всю деревню перекопали почище тех метеоритов... Поковырялись месяц, не нашли ничего, да и подались восвояси. Один только московский академик раз в квартал заглядывает в воинскую часть, где Федька служит, камни эти космические забирает, что солдатикам приказано по воронкам копать. Вот тебе и вся наука. Не обнаружили их пробирки и всякие компьютеры «никаких находок, представляющих интерес». Так сказал один профессор. Во как завернул. И зло тихое, что с той поры в тайге растёт, тоже не обнаружили. Но она, Полина, его чувствует. С каждым днём злобное безмолвное шипение все громче делается, всё настойчивее. И, видать, силы своей чёрной набрало оно уже достаточно, раз дела недобрые твориться стали. Зверье в тайге на охотников нападает, уже трёх человек нашли разодранными в клочья. Собаки и скотина бесятся и в лес убегают, гады в округе появились невиданные, вчера её укусила какая-то мелкая, словно ноготь, синяя нечисть, мерзости такой в этих краях отродясь не водилось...

А пару дней назад и люди пропадать начали. Просто уходят ночью в тайгу, молча, тайком. Просыпается семья утром, а человека-то и нету. Лишь следы к лесу тянутся. И уходят налегке совсем, прямо как старый Петрович после того, как кагэбэшники у него тот камень отняли, что он из тайги притащил. Едва учёные-то прознали про камень, что вечно горячий, но снег не топит, так и забрали и его, и старика в город вместе с собакой. Вертолёт специальный прилетал за ними. Неделю изучали старика, а потом привезли обратно, но камень ему так и не вернули. Петрович тогда сильно сдал и поник, прямо на глазах совсем поплохел, словно отняли у него что-то очень дорогое и родное. И Черныш две ночи подряд был, словно проклятый. А третьего дня спозаранку оба они и ушли. С тех пор ни слуху о них и ни духу, народ решил, что помирать старики в тайгу подались, видать, час свой назначенный смекнули. Она тогда ещё почувствовала что-то странное и неладное, да только злом по

весне ещё не пахло так сильно, как сейчас. Видать, теперь нечисть эта совсем других размеров стала... Шестеро деревенских уже в тайгу ушли, все под утро, в самый сонный час, словно хоронились от своих домашних. И участковый тут не поможет – нынче поутру он тоже сгинул.

– Полина Федосеевна, разрешите войти? – раздался за дверью Федькин голос.

– Входи, Феденька, отчего ж не войти-то, – ответила старая знахарка, – не заперто у меня.

Прапорщик вошёл в избу и, взглядываясь в царящий вокруг полумрак после яркого дневного света, поздоровался, стягивая с головы армейскую ушанку.

– Ты сапоги не снимай, – велела старушка, – так проходи. Мне всё равно прибираться, как варево подоспеет. – Она усадила гостя на стул. – Ну, рассказывай, с чем пришёл. Аль захворал чем? Постой... – знахарка внимательно посмотрела на гостя, жестом прерывая его ответ, – чую я... – Старая женщина закрыла глаза, будто прислушиваясь, и протянула к прапорщику руки, замирая.

Спустя несколько секунд она открыла глаза:

– Гадость эта жёлтая, нечистая, на животе у тебя! – уверенно заявила она. – Давно ты её на себе нашёл?

– С-сегодня утром, – занервничал прапорщик, – на службу встал, пошёл умыться, гляжу в зеркало в ванной, а она, значит, на животе у меня... – его едва заметно передёрнуло, – я было подумал сперва, что вымазался где. Водой помыл, а она не проходит, зараза! Тогда я в батальон побежал, и первым делом в санчасть. Начмед у нас пацан молодой, но толковый, и всё на эту жёлтую сыпь рычит, уж полгода подозревает её в чём-то. И то сказать, как батальон наш весной получил приказ метеориты эти копать, так все бойцы с жёлтыми пузами и ходят. Отправляли их в госпиталь окружной, да тамошние медики сказали, что сыпь безвредна, мол, реакция это аллергическая на местный климат и пищу. У нас же сплошь киргизы да туркмены служат. Только начмед всё паниковал, вечно анализы какие-то устраивал солдатам, метеориты эти всякими кислотами поливал. Посмеивались над ним, чего тут скажешь. Да вот только потом начальник склада, где собранные камни хранились, в тайгу ушёл. Ровно как Петрович тогда или как наши сейчас уходят. Так и не нашли его. А через неделю бойцы пропадать начали, прямо как наши, деревенские, что теперь в лес уходят. И никого не найти. Посылали поисковые группы, так одну из них зверье так подрало, что пришлось везти в госпиталь. А вторая как ушла на поиски, так теперь их самих впору искать. Из города приезжала комиссия, проводила расследование, комбату тюрьмой грозили, из офицеров всю душу вытряхнули, да так ничего и не решили. А что тут решишь? У нас в подсобном хозяйстве ни одной животины не осталось, даже кошки в лес ушли. Комиссия объявила, что в тайге эпидемия бешенства, и уехала восвояси. Начмед все спорил, доказывал, говорил, что сыпь жёлтая появилась из-за камней – это симптом. Приехали врачи из окружного госпиталя, провели медицинскую проверку, ничего не нашли и уехали. Влепили начмеду строгий выговор с занесением, за распространение паники, да пообещали вообще за Полярный круг перевести. Комбата и замполита временно отстранили от должности, но не заменили, слухи ходят, что не на кого менять, в стране чёрт-те что творится, вот и в армии бардак. А у нас в стройбате и без того порядку-то много не бывало... Так и командуют оба до сих пор, словно и не было ничего. На том и закончилось всё, только бойцы пропадают, да животы желтеют.

Прапорщик замолчал, переводя дух. Он смахнул со лба нервную испарину и продолжил:

– У нас в батальоне начальниками складов служат двое мужиков из окрестных посёлков, Койю и Тома. Так вот, вчера они рассказывали, что у них тоже люди пропадают. И не только у них, в Томе и в Койю, вроде в Поромесе тоже исчезают. И всюду одно и то же: встаёт человек перед рассветом, да и уходит себе неслышно в тайгу. Вот я сегодня и струхнул, когда сыпь эту у себя на пузе увидел. Тут же к начмеду и побежал... – Фёдор тоскливо вздохнул и боязливо поёжился, – только вот нет у нас больше начмеда. Не вышел с утра на службу. И в общежитии его нет. Вроде кто-то из наряда по КПП

видел, как он под утро стоял недалеко от ворот и от тайги взгляда не отрывал. Тут уж я испугался не на шутку, и сразу к вам, Полина Федосеевна. Помогите, бога ради, я уж в долгу не останусь! И забор вам почию, и запчасти к машине достану, и с ремонтом подсоблю!

– Ну, полно тебе! – остановила его знахарка. – Чего раскис, как девица красная? Снимай шинель и рубашу, управимся с твоим животом и без запчастей. Лихо оно и есть лихо, извести его надобно обязательно.

Прапорщик торопливо скинул шинель, китель и рубашку и принялся стаскивать с себя майку. Старуха пошла к дымящемуся котлу и смочила в нём тряпицу.

– На вот, протри живот, – она протянула тряпку Федору, – да смотри, тщательнее три!

Пока мужчина старательно выполнял её указание, Полина Федосеевна смешивала в бутылке из-под уксуса какие-то травы и жидкости, тщательно выверяя пропорции. Наконец, сочтя смесь собранной, она зачерпнула деревянной ложкой варево из котла и добавила в бутылку. Тщательно встряхнув содержимое, она достала гранёный стакан и наполнила его наполовину.

– Пей! – Старуха протянула стакан прапорщику: – Залпом пей, как водку пьёшь!

Федор подчинился, и знахарка, закрыв глаза, вновь замерла около него.

– Вот и молодец, – похвалила она гостя спустя несколько мгновений, – отвадил нечисть. Иди, Феденька, служи покуда. И если вдруг худо себя почувствуешь, али в лес потянет, сразу ко мне возвращайся!

– Спасибо, Полина Федосеевна! – Прапорщик облегчённо выдохнул. – И вправду полегчало! – Он принялся одеваться. – Спасибо большое! – Он повеселел на глазах. – Можно я вечером супругу к вам приведу? Заодно и забор почию. А там, глядишь, и машиной вашей займёмся!

– Приводи, Феденька, приводи, – закивала знахарка, – отчего ж не привести. Помогу, чем смогу, а сейчас мне прибраться бы...

– Да-да, Полина Федосеевна, – спохватился прапорщик, – уже ухожу! – Он закончил одеваться и, на ходу застегивая шинель, заторопился к выходу. – До свидания! До вечера!

– До вечера, Феденька, – ответила старуха, затворяя за ним дверь.

С минуту старая знахарка стояла неподвижно. То, что Фёдор уже не придёт, она знала наверняка. Зло вцепилось в него намертво, и вырвать человека из его когтей ей не под силу. К вечеру Фёдор успокоится, а завтра утром его жена проснётся в пустой постели и не найдёт мужа нигде. Да только недолго ей горевать придётся. Через день-другой и сама она уйдёт в лес, и дети уйдут... И не помешать этому никак. Эх, вот если бы Федька пришёл к ней раньше, когда у него на животе ещё не было нечистого знака! Тогда она смогла бы. А теперь уже поздно.

Полина Федосеевна сокрушённо покачала головой. «Надо что-то делать, необходимо найти лекарство против этой зловещей заразы. Наверняка можно приготовить отвар, который сможет отвадить жёлтую нечисть. Нужные травы собрать надобно. И травы такие есть, и она даже знает, где именно. В тайгу надо идти за ними. В тайгу, на болото, что за ельником, где Петрович нашёл свой камень. Точно. Именно туда. В тайгу. Там искать, и как можно скорее, это очень важно. Скорее в тайгу! В тайгу?!»

Старая знахарка вздрогнула от своих мыслей. Мгновение она прислушивалась к чему-то и принялась быстро расстёгивать на себе телогрейку. Торопливо распахнув её полы, Полина Федосеевна обнажила живот под целым ворохом кофт и блузок, после чего схватила с полки старый затёртый фонарь и осветила кожу. Луч фонаря, пробиваясь сквозь мутное исцарапанное стекло, растёкся по телу, освещая жидкую россыпь маленьких жёлтых точек. Пару секунд старуха разглядывала сыпь, после чего выключила фонарь и неторопливо, аккуратно привела себя в порядок. Затем она открыла входную дверь и вышла из полумрака избы на залитое солнцем крыльцо, жмурясь от яркого света.

– Валера! – позвала она внука. – Поди сюда, хозяин!

Мальчуган уже очистил от снега развалившийся «газик» и теперь лежал где-то под ним, ковыряясь в механическом чреве, похожем на ржавый металлический лом. Услышав голос Полины Федосеевны, мальчонка нехотя вылез из-под машины.

– Что стряслось? – степенно отвечивал он, подходя к бабке.

– Дай-ка я тебя посмотрю! – Знахарка быстро расстёгивала на нём одежду. – Не захворал ли?

– Бабушка, ты меня каждый день смотришь! – вздохнул мальчуган. – И сегодня уже смотрела!

– Ничего, Валера, хуже не будет. – Она придирчиво разглядывала его живот, – бабушка знает, что говорит.

– Холодно, – пожаловался мальчишка.

– Сейчас согреешься, милоч, – Полина Федосеевна потащила внука в дом, – застёгивайся покуда, а я тебе отвара налью целебного!

Пока Валера деловито застёгивал и заправлял одежды, знахарка отошла к столу и вернулась с бутылочкой своего нового отвара. Внук был ещё чист, злобная нечисть не успела заразить мальчонку, и старуха твёрдо решила, что не позволит этому случиться.

– На-ка, внучок, сделай девять глоточков! – Она протянула ему бутылку. – Будет горчить немного, зато поможет против хворей разных! Что это у тебя? – Полина Федосеевна посмотрела на зажатую в руке внука железку.

– Это болт! – важно ответил мальчуган. – Я его из дома специально привёз! Подвеску на дедовской машине буду чинить! А то его болты все проржавели!

– Дай-ка я его подержу, – старуха вытащила у него из руки болт, заменив железку на бутылку с варевом, – а ты пока пей.

Пока мальчишка терпеливо глотал горькую смесь, знахарка зажала болт в ладонях, поднесла их к губам и закрыла глаза. Мерно покачиваясь из стороны в сторону, она зашептала скороговорку заговора, и непонятные слова давно забытого старославянского языка тихо завибрировали в полумраке старой избы. Закончив, она подошла к котлу, обмакнула в него болт и вернулась к внуку.

– Слушай меня внимательно, Валера, – она склонилась над мальчишкой, – прямо сейчас ступай в город, к Катерине.

– В Ухту?! – удивился внук. – Это же очень далеко! Я и за день не дойду! А то как ночью замерзну?

– Дойдёшь, – твердо сказала знахарка, – вот, держи, – она вложила ему в руку болт, – он тебе поможет, с ним ни холод, ни зверь дикий не страшен. Иди и не останавливайся. Катерине скажешь, чтобы ко мне больше не приезжала, хворь у нас тут сильная и очень заразная. От неё и бычок наш убежал, и Джина занедужила, и участковый сгинул. Нельзя сюда приезжать никому, покуда я сама не разрешу.

– А может, я лучше домой пойду? В Том? – спросил внук. – Надо же мамку с батей предупредить! А то не ровен час заразу подхватят!

– Нет, иди сразу в Ухту, – велела знахарка, – в Поромес дядя Федя поехал уже. Они из воинской части на грузовиках едут, всех оттуда заберут. Ты к ним не успеешь.

– А чего он сразу меня с собой не взял? – обиделся мальчуган. – Теперь мне пешком по тайге до Ухты топать!

– Он тебя не нашёл, ты же под машиной схоронился! – укоризненно нахмурилась знахарка. – Сам виноват. А дядя Федя ждать не мог, он человек военный, там дисциплина сам знаешь какая! Приказано явиться в часть вовремя, значит, надо быть как штык!

– Мог и покричать меня, – недовольно проворчал Валера, – не велик труд! Я знаю, это он специально сделал, потому что я его Семёну в прошлом месяце фонарь под глаз поставил!

– Так это был ты, паразит эдакий? – упёрла руки в боки Полина Федосеевна. – Ладно, кто старое помянет, тому глаз вон! Поздно уже разбираться, дело сделано. Теперь вот потопаешь до Ухты пешком! – Она тщательно осмотрела внука, убеждаясь, что его одежда застёгнута и заправлена. – Ты вот что, Валера, иди по дороге зимней, как с дедом и папкой в Ухту ездили. От попуток прячься, нельзя тебе к ним садиться, не ровен час, хворые люди попадутся! И не ешь ничего, даже снег, потерпи. Катерина накормит, она тебя из всех племянников выделяет. Понял?

– Понял, – деловито подтвердил мальчишка, – а меня точно зверье не тронет? Батя не разрешает мне одному в тайгу ходить.

– Не тронет, – уверенно ответила знахарка, – ты болт этот береги. В нём сила Сварога, он тебе оберегом будет.

– Батя говорит, что всё это предрассудки, – заявил внук, – а мама сказала, что меня крестить надо!

– Слушай их больше! – снисходительно улыбнулась Полина Федосеевна. – Много они понимают!

Старая знахарка проводила внука до калитки и отперла дверь. Выйдя со двора, Валерка обернулся и спросил:

– Бабушка, а когда мне можно будет вернуться? – Он потряс рукой, одетой в варежку, внутри которой крепко сжимал заговорённый болт. – Надо дедову машину доделать!

– Скоро, Валера, скоро, – добродушно улыбнулась Полина Федосеевна, – вот хворь пройдёт в наших краях, так и вернёшься. А машина никуда не денется, тут она и будет стоять, тебя дожидаться. Дед же сказал, что как пойдёт, так машина тебе достанется. Как же я могу мужа послушаться? Так что не волнуйся, милочек, иди к Катерине, а я уж машину сберегу тебе.

Мальчишка степенно помахал бабке рукой и затопал по тропинке к окраине деревни. Старая женщина ещё долго смотрела ему вслед. Мальчуган давно уже скрылся из виду, но губы её всё ещё шевелились, беззвучно шепча молитву на давно забытом языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную версию на сайте www.tarmashev.com